

Singer of the Empire Against the Backdrop of Bucha

Mihhail Lotman

Mihhail Lotman, MP is a Professor emeeritus Tallinn University, Research professor University of Tartu. The autor of books „Mandelstam and Pasternak: An attempt of contrastive poetics“, „Papers on Russian and Soviet poetry“ (with Z. Mintz), and many papers of literature and culture. Professor M. Lotman is a deputy of Estonian Parliament (Riigikogu) and creator of Support Group for the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine. He is an author of declaration „Stop War in Ukraine“ (togather with Prof. A. Makarichev) and several publications on Ukrainian war.

<https://www.riigikogu.ee/en/parliament-of-estonia/associations/association/c15c87bc-0671-4e2c-b87c-6dec216b7e8a/Ukraina%20suveräänsuse%20ja%20territoriaalse%20terviklikkuse%20toetuse%20toetusrühm/>

Genocide

*Corpses of holy babies,
like pomegranate flowers,
beaten by hail, fallen,
lay in holy Bethlehem¹.*

On July 14, 2022, four-year-old Liza Dmitrieva was hit by a precision missile strike. Liza joined the ranks of hundreds of children and thousands of adults killed in Ukraine on the orders of a bunker maniac.

Liza, bright angel, I will never forget you. Neither will I forget your killers.

I will start with a thesis review of the types of crimes committed by Russia in Ukraine since February 24, 2022. I summarize them in four points, each of which can be expanded, substantiated and supplemented by evidence and analysis.

1. The aggression against Ukraine beginning on February 24, in accordance with the Rome Statute of the International Criminal Court and UN General Assembly Resolution 3314 (Article 5), is a crime against peace.
2. Soon after the start of large-scale hostilities, information began to appear about crimes committed by the Russian military against civilians. Targeted killing or physical harm to civilians or civilian infrastructure is a war crime under the Rome Statute. According to the Office of the UN High Commissioner for Human Rights, for the period from February 24 to July 4 of this year, the number of victims among the civilian population of Ukraine exceeded 11,000 (Ukrainian sources speak of 25,000 victims during this same period). The Organization for Security and Co-operation in Europe qualifies violence against civilians in Ukraine as war crimes. By definition of the Prosecutor of the International Criminal Court, Karim Ahmad Khan, who heads the investigation of war crimes in Ukraine, the entire territory of the country has become a crime scene. Crimes against culture (including the destruction and theft of cultural property) and environmental crimes should also be noted.

¹ Nerses Shnorhali. *Canon for the innocent babies of Bethlehem*. Translation by S.T. Zolyana.

3. War crimes in Ukraine are widespread and systematic and, therefore, according to the Rome Statute, they should be classified as crimes against humanity. It should be emphasized that crimes against the life and property of the civilian population are carried out not only with the knowledge of the command, but are also encouraged and coordinated by it (in the intercepted telephone conversations of Russian military personnel, confidence was expressed that the instruction to engage in "self-sufficiency" comes directly from Putin himself – what is important is not whether such an order comes personally from Putin, but the conviction of Russian military personnel in this). Moreover, criminals are encouraged and rewarded. On April 18, 2022, by Putin's decree, the 64th Separate Motor Rifle Brigade, which participated in acts of genocide in Bucha, was given the honorary title of "Guards."
4. Among crimes against humanity, genocide is considered the most severe. According to the UN General Assembly Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (resolution 260 (III)), an act of genocide is one of the five actions listed in the Convention. And in Ukraine, all five have been recorded. Although in terms of the scale of the crimes committed, Russia is noticeably inferior to both Nazi Germany and the Ottoman Empire, the range of acts of genocide committed seems to be unprecedented.

Russia's actions were deemed genocide by a number of political leaders, including President Biden, who, however, clarified a day later that this was his emotional assessment, as only a court can give a legal assessment. This is true. But the space between emotional evaluation and legal evaluation is not empty. An important intermediate link is the political assessment of the ongoing situation, and a number of governments and parliaments of democratic countries have already given it. On April 21, 2022, the Estonian Parliament (Riigikogu) unanimously adopted a statement "On war crimes and genocide committed by Russia in Ukraine." The Parliament's declaration is not a judicial verdict, but it is not an emotional reaction either. During the preparation of the statement, its initiators requested legal expertise from three independent experts in international law. All three examinations qualified Russia's actions in Ukraine as genocide.

However, talking about the genocide in Ukraine means breaking through an open door. Putin and his entourage do not hide their goals and have repeatedly stated that Ukraine and Ukrainians have no right to exist. According to Putin, Ukrainian statehood and the Ukrainian people are artificial formations carried out as part of a criminal anti-Russian project. Their special operation is designed to eliminate these artificial formations. De-Ukrainization paired with denazification invariably appears among the declared goals of the special operation. The pro-Kremlin media are even more specific and aggressive, and there are no other media outlets left in Russia: Ukraine and Ukrainians must be destroyed. Polls of a population under a dictatorship cannot provide an objective picture, but the fact remains: the majority of the population supports what is being done in Ukraine, and whether this is done out of conviction, out of fear, out of ignorance, or simply out of inertia, is not so important. Monitoring of social networks generally gives the same result, with the difference being that many authors are even more unbridled compared to state media and express not only approval, but also joy about the fact that people are perishing in Ukraine. Crimes are being committed not only with tacit support, but also with the approval and even instigation of the general public. Soldiers' mothers encourage looting and supply their sons with lists of household items. The young wife admonishes her husband to rape

Ukrainian women, but not to forget to use protection. This is a typical Nazi idea: filth (in any sense of the word) characterizes not the rapist, but his victims – raped women of a different nationality. (Genocidal rape in Ukraine is a separate issue; the fact that “Ukrainian women” need to be raped is further evidence that Ukrainians are perceived not as “our own” people, but as fundamentally “alien”).

There is an unbreakable connection between the top leadership of Russia, the ideologists and propagandists of the Putin regime, the church that blesses the criminal war, the criminal methods of waging this war, the commanders who give criminal orders, the soldiers who carry out these orders and show their own criminal initiatives, the mothers and wives of soldiers who encourage them to steal and rape.

This is not Putin and not the “Kremlin towers.” This is Russia, its society, its people².

Here I hear indignant exclamations, and the voices of liberal critics of the Putin regime and other good Russians merge into a united chorus with the voices of the most notorious Putinists: How! How can you place the collective blame on all of us! Collective responsibility! and so on. I’ll make it clear right away: it’s not my business – it’s none of our business – to judge the general public, this is within the jurisdiction of a different authority. But what has been said cannot serve as an excuse for silence and inaction.

Regarding collective guilt and responsibility – see below. In the meantime, about collective innocence and collective irresponsibility. The people of Ukraine are not to blame for anything and are in no way to blame for the war of annihilation unleashed against them, but the Russian people definitely bear a certain share of responsibility in their collective irresponsibility.

Criminal state

The monster is stout, vile, huge, with a hundred mouths and barking.

The question inevitably arises: why, and most importantly, for what is Russia doing this? For denazification? For the sake of fighting Russophobia? In order to keep NATO out of its borders? All this and the like can satisfy only idiots, and even then not all. Nevertheless, the war that began on February 24 cannot be considered causeless. Let's divide consideration of this question two: why war and why with Ukraine.

Paradoxically, those war apologists who claim that Russia was forced to start it are right. However, it was not external reasons that forced Russia to this, but internal reasons. It was not Ukraine and NATO that forced Russia to start a venture into denazification and de-Ukrainization, but the logic itself, I would even say the essence, of Putin's state.

Modern Russia is a criminal state. Development in this direction has steadily proceeded for two decades. This period is substantial, especially considering that it took Hitler only six years to achieve a comparable result. Civil liberties are not upheld in Russia, basic human rights are infringed upon, the sprouts of civil society and the rule of law are destroyed, the government is authoritarian with a bias toward a totalitarian dictatorship. Streams of lies are pouring from the channels of mass disinformation around the clock. Lies are declared the truth, and the truth is a lie subject to prosecution. The separation of powers is only simulated. The “legislative” body rubber-stamps acts that contradict the constitution and international law, pursuing only one goal: to legitimize lawlessness and further untie the hands of the “executive” and “judicial” authorities (quotes mean that this is not about the branches of power, but about the corresponding signs). Real power is concentrated in the

² Martin Schulze Wessel: “This is not Putin’s war, this is Russia’s war” (www.bbc.com/russian/features-61720392).

hands of the president and the elected representatives of intelligence agencies that make up his entourage. All other state institutions are not holders of power, but only servants of it, which, of course, does not exempt them from responsibility either now or in the future – crimes against humanity have no statute of limitations.

A terminological digression should be made here, since the concept of a criminal state does not yet have a clear legal meaning, and in various journalistic texts it is often burdened with emotions that only obscure the essence of the matter³. My approach to the problem stems from several statements by Karl Jaspers.

The concept of a criminal state was proposed by Karl Jaspers in his reflections on the nature of Nazism and the state system created on the basis of it. If any state can commit criminal acts, then the criminal state cannot only commit them, they are a consequence of its essence. The criminal state is criminal in essence, and not in its individual manifestations. What would seem to be wrong with the construction of autobahns, a healthy lifestyle, the strengthening of national character or the development of a national culture (masterfully made films, the Bayreuth Festival, etc.)? Each of these things individually can be considered positive or at least neutral, but in a criminal state they are all subordinated to goals that are fundamentally criminal. All institutions of the National Socialist state ultimately served the establishment of the dictatorship, its strengthening, repression, and, finally, the war, which began with a successful blitzkrieg and ended in total massacre.

Modern admirers of Hitler, who argue that autobahns, the reunification of the nation in a single state, and tempering the character of youth are good, whereas concentration camps and war are certainly bad, but these are incidental mistakes, and we should not forget all the positive things that National Socialism brought, etc., ignoring the very essence of the criminal state.

The criminal state is the opposite of the rule of law. If the essence of the rule of law is legality, then the basis of the criminal state is lawlessness⁴. The criminal state is forced to create and reproduce lawlessness, only in lawlessness does it find its justification. The criminal state generates, perpetuates, protects, and multiplies lawlessness, capturing more and more new regions into the domain of lawlessness. In order to justify already committed criminal acts, new ones are perpetuated, which, in turn, require lawless and false justifications – a lie in a criminal state is as necessary a component as physical violence. The criminal state needs enemies and it generates more of them. The more criminal acts the state commits, the more enemies it makes, and the more dangerous the enemies of the state become. Which, in turn, stimulates the spinning of the flywheel of repression and aggressive foreign policy.

³ As a rule, it is not lawyers who speak about the criminal state, but politicians and publicists. It is not surprising that the list of criminal states differs significantly among different authors and often means only political unacceptability. Thus, Turkey considers the following states to be criminal: Greece, Cyprus, Armenia and Israel - it is obvious that the grounds for such a qualification lie not in the legal, but in the political sphere. It is not surprising that none of the listed states is included, for example, in the American list.

The most serious attempt at legal analysis known to me is contained in the article by Robert J. Bunker, Pamela L. Bunker. Defining Criminal-States. *Global Crime*. Vol. 7, Issue: 3-4, 2006. Pp. 365-378, but here again the main emphasis is on rogue states, failed states and terrorist entities like IS.

⁴ Cf.: "A criminal state is one that, in principle, does not create and does not recognize the rule of law. What is called law and what this state gives birth to in a stream of laws, is, for it, a means for pacifying and subjugating the people, and not something that it itself respects and observes" (Karl Jaspers. Conversation of K. Jaspers with R. Augstein (Journal "Spiegel" 1965) // Independent Psychiatric Journal. 2005. No. 1).

Crimes against its population (by “internal enemies”) have inalterable character, they develop at an increasing speed and, ultimately, they inevitably bring the state to the point where, without stopping domestic repression, it is forced to direct its aggression outward. Moreover, internal enemies turn out to be agents of external enemies.

At first, one can be satisfied with a small victorious war – such was the aggression against Georgia in 2008 – but in order to maintain its identity, the criminal state needs a constant renewal of aggression, and on an ever-increasing scale. So, the propagandists of the Putin regime are right: Russia was forced to start a full-scale war, as such a war is existentially necessary for it.

But why Ukraine? The answer is not so obvious. In addition to Ukraine, Putin's plans of aggression, which have become public, also included the Baltic countries and Poland. According to these data, in particular, the option of delivering a tactical nuclear strike on one of the “Russophobic” NATO countries that recently joined the bloc was considered, followed by a proposal for peace talks in accordance with the agenda, which was soon presented in an ultimatum form.

But why Ukraine? The answer is not so obvious. In addition to Ukraine, Putin's plans of aggression, which have become public, also included the Baltic countries and Poland. According to these data, in particular, the option of delivering a tactical nuclear strike on one of the “Russophobic” NATO countries that recently joined the bloc was considered, followed by a proposal for peace talks in accordance with the agenda which was soon presented in the form of an ultimatum. Say, NATO, gather your belongings and get out, go back to 1997. It is uncertain why a different scenario was chosen; Putin was probably convinced by the inevitability of a nuclear response. The ultimatum, unsupported by nuclear blackmail, did not sound as grand as those who proposed it would have liked.

I want to dispel two common misunderstandings about Putin's plans. Allegedly, they consist of the restoration of the Soviet Union or building a Russian empire. All if this is just a smoke screen designed to inspire some and frighten others. Putin doesn't give a damn about the Soviet Union or the Russians and their world. There's a lot to be said about Putin, but he's no fool. He knows his methods and possibilities. He cannot restore or build anything, all his abilities lie in the realm of murder and destruction. He is not like Crimea or Abkhazia and Ossetia - he is not able to equip his puppet formations of the "Donets People's Republic" and "Luhansk People's Republic". Is this the Russian world? Is it when cities in eastern Ukraine with a significant Russian-speaking population are being destroyed, and the population itself is doomed to repression and death just because they do not want to participate in the implementation of Putin's criminal plans? Denazification? Is it when Ukrainians are persecuted only for their nationality, when, among others, the survivors of the Nazi concentration camps are killed?

In Russian-Soviet-post-Soviet culture, the external enemy – whoever that may be – has a set of stable characteristics. ‘Being an enemy’ is a function, and ‘enemy’ is characterized by a moving target. There is a certain discourse of the enemy, which, depending on the situation, can be applied to different countries, as a result of which similar or even the same characteristics are found in a wide variety of countries and populations. In one of my older publications, I showed how in 2008-2011 the same semantic complex was realized in propaganda statements about Georgia and Poland. To a large extent, the same semantic complex was later forwarded to Ukraine. That is, in this case, the question is not why Ukraine is the enemy, but why the enemy is Ukraine.

To maintain the image (“where Putin is, there is victory”), Putin needed a victorious war. Ukraine was chosen as a victim of aggression because it seemed to Putin that success was assured. On the one hand, he knew that part of the Ukrainian leadership, including the army and intelligence agencies, was recruited, that a large number of influential agents were operating in society; on the other hand, his own corrupt intelligence agencies provided him with false information that exaggerated the extent of corruption in the Ukrainian government and pro-Russian sentiment in the army and among the population. The calculation was that it would be like Crimea: an impudent special operation and treason; in Crimea, part of the command (including the commander of the Ukrainian Navy) simply defected to the side of the enemy. It did not work out. This is not the place to discuss, in any detail, the course of the hostilities. Blitzkrieg attempts continued for some time, but it was already morally lost on the evening of February 25, when President Zelensky, instead of seeking asylum abroad, appeared in front of cameras in Kiev surrounded by senior leaders: “We are here. The President is here.”

Guilt and responsibility

*It's so easy to join the executioners:
Keep silent, keep silent, keep silent!..*

Karl Jaspers: "Each person is responsible, together with others, for how they are ruled." The question is how and to whom he answers. According to Jaspers, when we talk about a criminal state and its citizens, four types of guilt and responsibility should be distinguished: criminal, political, moral and metaphysical.

Let's start from the end. According to Jaspers, metaphysical responsibility is the responsibility of a person and a people before God. We will not examine it, we will only note that when discussing metaphysical guilt, an appeal to God is not necessary. Within the framework of a different philosophical paradigm and, accordingly, in different terms, a similar idea was expressed by M.M. Bakhtin, when he put forward the thesis of “non-alibi in being”; metaphysical responsibility in these terms is the responsibility to being.

Moral responsibility is the responsibility to conscience. This is not the place to go into consideration of the subtleties of moral philosophy and the philosophy of the Other, we note only the fundamental duality of moral responsibility: responsibility to oneself and responsibility to others.

The first is intimate and individual. You either feel responsible for your affairs and for what is happening around you, or not. The capacity for moral responsibility is considered to be an essential property of a mentally healthy person, which distinguishes him from the weak-minded, on the one hand, and psychopaths, on the other. Conscience is individual and subjective, but this does not mean that it is arbitrary – there are actions that a person does not do just because they do not correspond to his idea of himself. Let's say I can commit a theft with impunity (“no one sees”), but I don't do it because it would hurt my image of myself as an honest person.

It is more difficult regarding responsibility to others. Who is considered “other”? That honest person with whom my actions correspond – who is he: myself or someone else? Ultimately, it's about self-identification: who I am and who my reference group is. I remember my father's dispute with the philosopher Alexander Piatigorsky over the occupation of Czechoslovakia in 1968. My father, acutely feeling his guilt, used the pronoun

“we”, to which Piatigorsky replied that he did not feel any guilt, since nothing connected him with this government; for him it was not “we”, but “they”. That is, having fenced himself off from “them”, Piatigorsky, as it were, provides himself with an alibi in the existence of “their” state. Many Russians are now building a similar psychological defense for themselves (à la: what have I got to do with it? They didn’t ask me).

In Germany in the 1930s and early 1940s, disloyalty to Hitler, apart from any other troubles, threatened moral condemnation. The situation is approximately the same in today's Russia if you are not a Putin loyalist. Merging with the masses stifles the conscience, in the crowd a person loses many aspects of his individuality, in the crowd he has no face. One of Faulkner's heroes explains why they always lynch in the dark: in order not to see each other's faces, because no matter how much they shout about the righteousness of their cause, deep down they know that this is not so.

Jaspers introduces the concept of the "false conscience". The fact that a person was deceived by superiors or propaganda does not relieve him of responsibility either for his own actions or for the actions committed by a criminal state. An action is criminal regardless of whether its criminal nature is recognized or not. The same applies to criminal inaction. Morality is inseparable from truth, and public opinion (doxa) is not the criterion of truth. The subordination of one's own conscience to the untruth prevailing in society leads to the phenomenon that Jaspers called a false conscience. Here it is appropriate to quote the words of another great German - Thomas Mann: "The conductor, who, having been sent by Hitler, performed Beethoven in Zurich, Paris or Budapest, became guilty of the most obscene lie – under the pretext that he was a musician and engaged in music and nothing more." Now hundreds of Russian cultural figures are engaged in such obscene lies, and not only them.

We will consider political liability together with criminal liability. The fact is that Jaspers wrote about the political responsibility of Germany in the conditions of its occupation by the troops of the victorious powers. In the current war, no one is going to occupy Russia; a military defeat of Russia will not lead to the seizure of its internationally recognized territory. Political responsibility in this – and, if necessary, in similar conflicts in the future – must act in symbiosis with legal responsibility and lies in the responsibility before the international court.

Criminal responsibility in modern conditions is supposed to be only individual: only persons directly or indirectly responsible for the commission of war crimes are subject to punishment. However, criminal organizations also appeared in the judgments of the Nuremberg trials: the Nazi Party, the SS, the SD and the Gestapo. But even in Nuremberg, the possibility of a trial of the state was not discussed. The Nazi state was destroyed de facto, by defeat in the war and division into occupation zones, and not by court order. The rupture with the Hitlerite State was legalized as a result of the creation of new German states with new state institutions that were not successors to the institutions in place during Nazi rule (Austria reverted to the 1919 constitution).

A sort of paradox arises: on the one hand, the state can be the subject of a crime, on the other hand, the state can be subjected to various kinds of punishments, ranging from sanctions in the political and economic fields to sanctions that lie in the humanitarian or semiotic sphere (a ban on the use of state symbols). However, the state cannot be put on the stand, that is, act as a defendant in court, since both the necessary judicial instance and the corresponding legislative framework are absent. There are a number of negative consequences associated with this. First, the sanctions are arbitrary to a certain extent:

there is no unified and obligatory constitution codifying punishments for criminal acts committed by the state. Secondly, it creates a variety of opportunities for circumventing sanctions or for non-affiliation with them. And thirdly, the UN, which is the highest authority for imposing sanctions, is helpless when it comes to crimes committed by a permanent member of the Security Council. In addition, the UN is a political organization, not an impartial legal body.

All this points to the need to fill this gap in the system of international law. In order not to duplicate existing legal institutions (for example, the International Criminal Court or the International Court of Justice), the jurisdiction of the newly created court will include only crimes against humanity, and only states, not individuals, will act as defendants (these criminals are handled by the International Criminal Court). The verdicts of this court should become generally binding: if the court has decided to impose certain sanctions, then these sanctions are binding on all states, and violators of the sanctions themselves are automatically subject to them.

For now, just a few quick remarks. Jaspers' position is very important, according to which the criminal state is deprived of the right to succession. All institutions of the criminal state are not subject to transformation, they must be abolished. This applies to all branches of government: the army, the police, all security services, the education system, and so on. It is not enough to replace a bad Hitler with a good Dönitz, a bad Himmler with a good Schmidt, a bad Heidegger with a good Heidegger - the Hitlerite State cannot have succession, all its institutions (including cultural ones) must be abolished. The same in Russia. Reforms of existing organizations will not help - remember 1991. Free elections and replacing bad people with good people is not a solution either. All institutions of Putin's state should be abolished, from the president to the national theater.

The same applies to culture. And, perhaps, culture in the first place, since it has a special responsibility: troops and punitive organizations destroy the body, culture – the soul. The war is now being waged not only in the vastness of Ukraine, but also in the cultural space. Some Russian artists have been sanctioned and fired, in particular from the Metropolitan Opera. However, Metropolitan Opera CEO Peter Gelb said Russian-made masterpieces are not responsible for Putin. "We are canceling Putin, not Pushkin. So we're not going to be making changes to our plans for the performance of the Russian repertory." I can understand Mr. Gelb – I myself have thought so for decades – but in the current context I consider such a position to be unacceptable, part of that obscene, according to Thomas Mann, lie, in which not only pro-Putin propagandists, but also some "good Russians" are now involved.

I had three formulas for internal use, a kind of mantra. The first, Solzhenitsyn's: Russian should not be confused with Soviet; the second, populist: the people are not guilty of the crimes of the authorities, and the third, now my own: what did Pushkin do wrong? All three have failed. If Stalin is the most popular historical figure in Russia, if, in the post-Soviet era, the only more or less free elections were won by the Communists with the LDPR-sheep, if there were free elections now, then it would be the Communists who would have the best chances, etc., then what can be said about Russian incompatibility with communism?⁵ I will not expand on the (ir)responsibility of the people, the main thing is, how is this Pushkin's fault?

⁵ Igor Shafarevich believed that the expression "Russian communism" contained a contradiction in terms.

To begin with, I want to quote, by necessity, an extensive citation from an essay by the poet and pro-Putin publicist Igor Karaulov:

“In some sense, it is good that this crystal, consistent clarity has come into the minds of Russia's opponents. It's good that they no longer have illusions about Russian culture. Previously, they contrasted Russian culture and the Russian state. Like, one thing is Putin [...], and another is the wonderful Tchaikovsky, who wrote the best Christmas music for us. Now a disappointing truth has been revealed to them: Tchaikovsky, Chekhov, Levitan, Stravinsky, Malevich, and Brodsky are from the same team as Yermak, Potemkin, Suvorov, Ermolov, Skobelev, Zhukov.”

The essay's title, "The West was Frightened by the Greatness of Russian Culture," is wishful thinking, but the quoted passage contains a fair amount of truth. So what to do with it? How to separate the great Russian culture from state crimes; even digressing from the crimes of the Soviet government (supposedly anti-Russian), one cannot forget the partitions of Poland, the culture-cide in Ukraine, the Circassian genocide, and much more? There is no way – attempts to separate good Russians from bad ones look pathetic and are doomed to fail.

Speaking of Germany, Thomas Mann expressed an important thought: “There are not two Germanys, good and evil... Evil Germany is the good one, which went down the wrong path, got into trouble, became mired in crimes, and is now facing a catastrophe.” The same should be said about Russia: there are no two, for example, Pushkins - a good one, the author of "Eugene Onegin", and an evil one, who wrote “The Gabrieliad” and “The Anniversary of Borodino”; I'm not even talking about the fact that, for example, in "Poltava" the proposed border would have to be drawn inside the text. Pushkin cannot be canceled, but this does not mean that he, as a man-made idol, can only be worshipped. In order for us to enjoy Pushkin's work in the future, we must not shamefully hide his indecencies, not look for justifications for them, but reveal and impartially analyze them⁶.

If there is still a future for Russian culture, then the genocidal war currently underway in Ukraine should not even be a turning point for it, but a point of no return. What I call for is not the abolition of Russian culture, but an honest analysis of it. Even Georgy Fedotov, in an essay on Pushkin, spoke of an internal cancer that was corroding Russia; since then, the cancer has metastasized numerous times. “Let Germany eradicate arrogance and hatred from itself, and it will be loved,” said Thomas Mann. Arrogance and hatred must be eradicated from Russian culture, it must be decriminalized. It is not enough to point out the toxic fruits of a culture; their origins and roots must be identified.

On the independence of Ukraine⁷

I would weave my voice into the collective animal howl

In the process of working on this essay – which was long and painful – I had to read a broad range of texts that attempted to comprehend what was happening from the point of view of

⁶ In the Academy of Liberal Arts (Academia Artium Liberalium), which we created, after the invasion of Ukraine, I began to read in Estonian a course of lectures “Russian culture. Etudes in black.” To date, I have read **four lectures**, the first three of which are devoted to Ukraine, the fourth – to Pushkin. They are available on YouTube. I am planning another 5-8 lectures. This material should also be made available in Russian, but so far I don't have a suitable channel.

⁷ https://en.wikipedia.org/wiki/On_the_Independence_of_Ukraine

Russian culture. Only the position of Ivan Vyrypaev⁸ seems truly adequate to me, while in the majority of the other texts, the theme of the impossibility of abolishing Russian culture is rehearsed in one way or another. In critical speeches, Brodsky was most often mentioned with his anti-Ukrainian poem.

The identification of malignant tumors in Russian culture should probably begin with Pushkin, but since Brodsky turned up, then let it be Brodsky. After all, he is more relevant now.

Brodsky's death on the night of January 28, 1996 was sudden, but not unexpected. He knew that he was dying, and his last refusal of an operation is comparable to the refusal of the condemned to write a petition for pardon. Farewell and summing up can be heard in a number of his poems written in his final years. But it so happened that it was "On the Independence of Ukraine" that became the epilogue to all his work. You won't wish it on your enemy either.

The poem caused embarrassment and indignation among the public, which was considered decent, and recognition from the public, which was not considered decent. What scoundrels and with what ecstasy they quote this text, finding in it justification and a source of inspiration, under other conditions could be considered more than sufficient posthumous punishment of the author. But after Bucha this cannot be limited. Liza doesn't allow it. Ashes of Claes.

No other poem of Brodsky's is now so widely quoted and so relevant. It is called the poet's best poem and also his worst. Supporters of the first assessment consider it necessary to constantly remind others about it and quote it at every opportunity. Those who consider the poem frankly weak, worthless, boorish, shameful, etc., also cannot deny themselves the displeasure of quoting the most outrageous passages, and even the full text in its entirety. One would think that if you are ashamed and disgusted, then spit and turn away. But this does not work, there is something bewitching in the scandalous poem, revealing something significant both in Brodsky himself and in the Russian poetic tradition. So I cannot spit and turn away.

I must immediately warn you that what is said below is not a literary analysis – the time for such an analysis, on the one hand, has passed, and on the other, it has not yet come. I am not even going to offer any coherent interpretation of this poem, as my task lies not in the field of literary criticism, but civil criticism, not to create a cesspool: to bring to light all the vileness and filth contained in this text. This is my duty not only to my Ukrainian friends, but also to Brodsky and Russian poetry in general.

Reading this text as it is written now, without taking into account the historical and literary context of its writing, is called presentism (or anti-historicism). From the point of view of academic science, reading this way is an unforgivable sin, but I do not pursue academic goals. In this case, presentism is justified from a civic point of view. This is how both Ukrainians and those who hate Ukraine read this poem now. Cf. online exclamations of admiration by the latter in the spirit that Brodsky did not write about the past, but about the present and the future.

The proposed reading is highly simplified by necessity. "On the Independence of Ukraine" is a difficult, multi-layered text, but I am not going to go into all its subtleties here. I will dwell, first of all, only on those elements of it that can be offensive and have become especially

⁸ "This country has no future – in the form in which it exists. It's obvious to me. This Russian culture has no future" (<https://www.sibreal.org/a/otvrascheniya-k-russkoy-kulture-budet-vse-bolshe-rezhisser-ivan-vyrypaev-o-teatre-i-voyne/31794642.html>).

relevant since February 24th. In the end, I will make a few cursory remarks concerning the imperial theme in Brodsky's work. The purpose of these remarks is not to justify the text that is under consideration, but to broaden the context.

The poem is offensive. No matter how sophisticated the counterarguments of its apologists are, they cannot cancel out the fact that it was written with the clear intention of being insulting. The poem is not only offensive, it is mocking. The abundance of offensive nicknames, (pseudo)Ukrainianisms, dumped in the text in an amorphous pile, a transparent allusion to sexual humiliation, the offensiveness of which is reinforced by the national component – all this serves the purpose of humiliating Ukraine and its people.

The semantic complexity of the text does not invite thoughtful deciphering, but is perceived as abstruse rubbish, when each fiber weaves into a line, which makes absurd reproaches and name-calling seem even more mocking: khokhly, etc. – rudeness, but rudeness is understandable, but why are there either some watermelons or melons?

The mockery of Ukrainians and Ukrainian culture in Russia is usually not complete without mockery of the language, and all Ukrainianisms in the poem are introduced not, for example, for the sake of illustrating local life, but solely for the purpose of mocking.

Ukrainians are a hillbilly, a product of the black, infertile soil and their language is aligned with this; with such a language, how could they possibly rise to the level of high poetry. Such as Russian. Since, as stated in the Nobel speech, poetry is the dictate of language, and that it is not language that is the poet's tool, but the poet is the means of language – then what the language is, so is the bullshit of it. The whole poem leads to the final climax about Taras and Alexander.

The unsuitability of the Ukrainian language for expressing superior matters is an old topic. In the most sophisticated form, it was argued by N.S. Trubetskoy, who tried to express it in an academic style without offending the national feelings of Ukrainians. Trubetskoy singles out two levels in each language: the lower level is addressed to folk roots, the upper level is addressed to the highest spiritual and intellectual life. Since Ukraine was culturally more developed than Muscovy in the 17th century, "the beginning of the creation of a general Russian culture of the post-Petrine period was the spiritual Ukrainization of Great Russia." And further: "Collective Russian culture is successively connected only with the Western Russian, Ukrainian culture of the pre-Petrine period, and not with the old Great Russian culture, the tradition of which broke off at the end of the 17th century." That is, since the Great Russian language at its highest level is, as it were, Ukrainian, then why should Ukrainians build a special upper level on the foundation of an ethnographic dialect and develop some kind of national culture on its basis? The result will be "not a culture, but a caricature" – the great linguist could not resist at the height of dispassionate academicism. It is not surprising that out of Trubetskoy's entire essay, today's language chauvinists recall only a caricature. Brodsky does not trouble himself with such philosophizing, preferring mockery on the "lower level".

Let us return, however, to Alexander and Taras. If, with regard to Taras, the apologists of this poem offered various witty tricks, like Taras – Bulba, then regarding Alexander, it seems that no one has any difficulties with identification. In the meantime, there is something to think about.

The fact is that Brodsky did not like Pushkin very much, he reproached him for creating the "harmonic school", which led to "smooth writing". Brodsky decisively preferred Baratynsky to Pushkin: "Baratynsky was a much deeper and more significant phenomenon than

Pushkin”⁹. So why, on your deathbed, do you need to wheeze lines from Alexander, and not from Evgeny or Marina, no less beloved by Brodsky? Is it not because *and there pronounce my name shall every existing language*? Not bad *for someone rather private, for someone who all his life has preferred his private condition to any role of social significance, and who went in this preference rather far — far from his motherland...*

We’ll come back to Alexander. In the meantime, let’s dwell on the question raised by Brodsky’s admirers, which, in my opinion, is completely insignificant: on whose behalf is the text written – Brodsky himself or his “lyrhero” (i.e., lyrical hero). That is, if this is a lyrhero, and not Brodsky himself, then it seems like everything is not so bad. Such arguments are devoid of any value: it does not matter whether the poet pours mud on an entire nation in his own name, or puts on a mask for this purpose. If we seriously discuss the communicative perspective in this text, then it is not only doubled, but is fundamentally indefinite and mosaic. The person addressing Charles XII is hardly the same katsap who sat under icons in Ryazan for 70 years (I did not like greed, I did not kiss icons); the latter, in principle, could contemplate spitting into the Dnieper, but did he climb into the noose together with the Ukrainians, choosing boughs for this (to be sure, the glorious past of cohabitation: climbing into the noose together – is this something to shed a tear over)? Who remembers the human losses? Finally, who analyzes the comparative merits of the works of Shevchenko and Pushkin? Not one of these subjects of speech can be either identified with Joseph Aleksandrovich Brodsky or separated from him, the point of view of the text oscillates between different subjects of speech, which allows one to move from historiosophy to abuse of the lowest form.

Singer of both empire and freedom. This is how Georgy Fedotov titled his essay on Pushkin. The same words could be used to characterize Brodsky. The trouble with such formulations is that, while claiming to say a lot, they explain little. Russian poetry – especially Petersburg poetry – is infused with an imperial substratum. Years gnawed from memory, For what and who fell in Khotyn, But the first sound of the Khotyn ode became the first cry of life to us. The singers of the empire were, to name only the loudest names, Lomonosov, Derzhavin, Pushkin, Tyutchev ... St. Petersburg imperial classicism (empire), all St. Petersburg architecture and city planning, its parks, avenues and prospects created an atmosphere that was more influential than ideology. Nevertheless, the start of an empire is different from the imperial beginning. It sounds completely different in the work of Brodsky’s teachers – Akhmatova and Mandelstam, and the teacher of his teachers – the gentlest Annensky with his nightmarish conscience.

Brodsky is the singer of the empire, probably even more so than anyone in Russian poetry before him. The Russian, Roman, British, Chinese periods of the Ming Dynasty, and even such an ephemeral formation as the Mexican Empire of Maximilian – they are all just projections of an eternal idea. The empire is not limited either in time or space, it continues after our era, and in the world on other side of Lethe. What Brodsky does not have, however, is the themes of empire building, its brilliant military victories and brilliant rule. Brodsky’s empire is a space of stagnation and decay, not of creation and prosperity. I have already had to write about Brodsky’s peculiar Platonism, or rather anti-Platonism: an idea finds its most complete embodiment not in its heyday, but in decline, in wreckage, in ruins, in dust, in the final analysis becoming nothing (here it is tempting to recall Heidegger, but this approximation would be erroneous). *We, looking back, only see ruins...;*

⁹ Interview with Anne Applebaum (1991). In oral conversations, Brodsky was even more categorical.

Architecture, the mother of wreckage;... This is, apparently, the role of matter in time – to transfer everything to the power of nothing...

Derzhavin's *thunder of victory resounds* unthinkably in Brodsky's work, just as the Voeikov imperial colonial bragging is impossible: *Gaul, Persian, Prussian, Chin, Swede, Hungarian, Turk, Sarmatian and Saxon - We defeated everyone, we saved everyone and we protect everyone.*

The Ukrainian theme was introduced into the imperial poetic discourse by Pushkin in his great poem "Poltava." Pushkin perfectly understands the Ukrainian desire for independence and puts into the mouth of Mazepa a convincing and thoughtful monologue, containing, in particular, the words: *it is high time for Ukraine to be an independent power.* But all this is of little importance compared with the course of history: *Only you erected, the hero of Poltava, A huge monument to yourself. This monument is the Russian Empire.*

Pushkin is our everything. The same applies to imperial discourse. In Pushkin, we encounter almost everything that pleases us with the current Russian gopniks from backyards and ministries: here there is victorious rage, and Russophobia, and *we can repeat it*, and even bragging about sexual violence. One may object that Pushkin did not publish "Refutation of Mr. Beranger." Indeed, he did not publish, but read and distributed in his lists. As, after all, Brodsky did not publish.

In connection with the war in Ukraine, Pushkin's "Slanderers of Russia" became especially popular; from the point of view of the formation of imperial discourse, it's not the most important text. But it contains two remarkable lines, usually overlooked without proper attention: *Will the Slavic streams merge into the Russian sea? Will it run out? Here is the question.* They can be understood in two ways: as an enumeration of Slavic possibilities, which the addressee should not care about, or as an implication: if the Slavic streams do not merge into the Russian sea, then it will dry up. In any case, the second reading is present at least implicitly. That is, it is not about the independence of Poland, but the very existence of the Russians: the suppression of the Polish uprising for the Russian Empire is an existential question.

This brings us back to Brodsky. Once, while arguing with a highly intelligent Russian nationalist, I asked why Ukrainian nationalists can do just fine without Russia, while Russian nationalists cannot do without Ukraine. I compared Russian feelings to phantom pains in an amputated limb. My conversational companion supported this comparison, but noted that the reason is obvious: Ukrainian nationalism has an ethnic basis, while Russian has an imperial one; without Ukraine, Russia cannot be an empire, and if it is not an empire, then what is it? (I can't vouch for the accuracy of the words, but the thought was just that). To Alexander Sokurov's proposal to release the people who do not want to be in Russia, Putin replied: "You want to turn us into Muscovy." So it is with Brodsky. The poem is titled "On the Independence of Ukraine," but it could have been titled "On the Disintegration of Russia".

The singer of the collapse of the empire had the rare good fortune to observe the process in statu nascendi, but the result of the observation was not philosophical reflection, but bilious invective. The poem contains a hidden answer to Pushkin's question: *A hundred years have passed – and what is left of these strong, proud men?* For Pushkin, this question was rhetorical: nothing remained of them, the feelings and ambitions of people and nations are forgotten, and what remains is an empire, a huge monument to the victor of Poltava. It turned out that it was not just a hundred years, but almost three hundred – not a deadline for Time, and time threatened reprisal.

Dear Charles XII, the battle of Poltava, thank God, was lost. The Battle of Poltava was a national catastrophe for Ukraine and a triumph for Russia, which decided the outcome of the Northern War, the victory in which, in turn, became evidence of the birth of an empire. Ukraine's independence marks the beginning of its end. The battle of Poltava is lost. And finally. In disputes and discussions about this poem, a completely insignificant topic prevails: whether it is good or bad, and if it is bad, then whether Brodsky should have read it. Good or bad, I don't know, and I'm not very interested; there is another important matter – this is a very significant text, revealing a lot not only in Brodsky's poetry, but also in a vast layer of Russian mentality. I believe that it made it much easier for Ukrainians to say goodbye to Russia.

Translated by Breanna Vizlakh.

Певец Империи на фоне Бучи

М.Ю. Лотман

Геноцид

*Трупы святых младенцев,
словно цветы граната,
побитые градом,
опавшие,
лежали в святом
Вифлееме¹⁰.*

14 июля 2022 года высокоточными ударами высокоточного оружия была поражена четырехлетняя Лиза Дмитриева. Лиза пополнила ряды сотен детей и тысяч взрослых, убитых в Украине по приказу бункерного маньяка.

Лиза, светлый ангел, я тебя никогда не забуду. И убийц твоих тоже.

Начну с тезисного обзора видов преступлений, совершенных Россией в Украине начиная с 24 февраля 2022 года. Суммирую их в четырех пунктах, каждый из которых может быть расширен, обоснован и дополнен свидетельствами и анализами.

5. Начатая 24 февраля агрессия против Украины согласно Римскому статуту Международного уголовного суда и резолюции Генеральной ассамблеи ООН 3314 (статья 5) является преступлением против мира (crime against peace).
6. Вскоре после начала широкомасштабных военных действий стали появляться сведения о преступлениях, совершаемых российскими военными по отношению к гражданским лицам. Целенаправленное убийство или причинение физического вреда гражданскому населению или гражданской инфраструктуре является в соответствии с Римским статутом военным преступлением. По данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека за период с 24 февраля до 4 июля с.г. число жертв среди гражданского населения Украины превысило 11 тысяч (украинские источники говорят о 25 тысячах жертв за этот же период). Рапорт ОБСЕ

¹⁰ Нерсес Шнорали. *Канон невинным вифлеемским младенцам*. Перевод С.Т. Золяна.

квалифицирует насилие против гражданских лиц в Украине в качестве военных преступлений. По определению возглавляющего расследование военных преступлений в Украине прокурора Международного уголовного суда Карима Ахмад Хана вся территория страны стала местом преступления (crime scene). Отдельно должны быть отмечены преступления против культуры (в т.ч. уничтожение и похищение культурных ценностей) и экологические преступления.

7. Военные преступления в Украине носят широкомасштабный и систематический характер, поэтому согласно Римскому статуту их следует квалифицировать как преступления против человечества (crimes against humanity). Особо следует подчеркнуть, что преступления против жизни и имущества гражданского населения производятся не только с ведома командования, но и поощряются и координируются им (в перехваченных телефонных разговорах российских военнослужащих выражалась уверенность, что указание заниматься «самообеспечением» исходит лично от Путина – важно не то, исходит ли такое распоряжение лично от Путина, а убежденность в этом российских военнослужащих). Более того, преступники поощряются и награждаются. Так, 18 апреля 2022 года указом Путина 64-ой отдельной мотострелковой бригаде, участвовавшей в актах геноцида в Буче, присвоено почётное наименование «гвардейская».
8. Среди преступлений против человечества тяжелейшим считается геноцид. Согласно принятой Генеральной ассамблеей ООН Конвенции о предупреждении преступления геноцида (резолюция 260 (III)), актом геноцида является одно из пяти перечисленных в Конвенции действий. И в Украине зафиксированы все пять. Хотя по масштабу совершенных преступлений Россия заметно уступает и нацистской Германии, и Османской империи, спектр совершаемых актов геноцида представляется беспрецедентным.

Действия России были названы геноцидом рядом политических лидеров, в том числе президентом Байденом, который, впрочем, через день уточнил, что это была его эмоциональная оценка, юридическую оценку может дать только суд. Это так. Но пространство между эмоциональной оценкой и оценкой юридической не является пустым. Важным промежуточным звеном является политическая оценка происходящего, и ее уже дал целый ряд правительств и парламентов демократических стран. 21 апреля 2022 года Парламент Эстонии (Рийгикогу) единогласно принял заявление «О совершаемых Россией военных преступлениях и геноциде в Украине». Заявление парламента не является судебным вердиктом, но это и не эмоциональная реакция. В ходе подготовки заявления его инициаторы запросили три независимые юридические экспертизы у специалистов по международному праву. Все три экспертизы квалифицировали действия России в Украине как геноцид. Впрочем, говорить о геноциде в Украине значит ломиться в открытую дверь. Путин и его окружение не скрывают своих целей и неоднократно заявляли, что Украина и украинцы не имеют права на существование. Украинская государственность и украинский народ – по Путину – это искусственные образования, осуществленные в рамках преступного антирусского проекта. Спецоперация и призвана ликвидировать эти искусственные образования. Деукраинизация в паре с денацификацией неизменно фигурирует среди объявленных целей спецоперации. Еще более определенно и

агрессивно выражаются прокремлевские медиа, а иных медиа в России не осталось: Украину и украинцев нужно уничтожить. Опросы населения в условиях диктатуры не могут дать объективную картину, но факт остается фактом: большинство населения поддерживает творимое в Украине, а делается ли это из убеждения, из страха, по незнанию или просто по инерции не так уже и важно. Мониторинг социальных сетей дает в целом тот же результат, с той разницей, что многие авторы настроены по сравнению с государственными медиа даже еще более разнузданно и выражают не только одобрение, но и радость по поводу того, что в Украине гибнут люди. Преступления совершаются не только при молчаливой поддержке, но и при одобрении и даже подстрекательстве общества. Матери солдат поощряют грабеж и снабжают сыновей списками нужных для хозяйства вещей. Молодая жена напутствует мужа, чтобы он насиловал украинок, но не забывал предохраняться. Это типичное нацистское представление: грязь (в любом смысле слова) характеризует не насильника, а его жертвы – изнасилованных женщин другой национальности. (Геноцидные изнасилования в Украине – отдельная тема; то, что «украинских баб» нужно насиловать – лишнее свидетельство тому, что украинцы воспринимаются не как «свой» народ, а как принципиально «чужой»).

Существует неразрывная связь между высшим руководством России, идеологами и пропагандистами путинского режима, церковью, благословляющей преступную войну, преступными методами ведения этой войны, командирами, отдающими преступные приказы, солдатами эти приказы выполняющими и проявляющими собственные преступные инициативы, матерями и женами солдат, побуждающими грабить и насиловать.

Это – не Путин и не «кремлевские башни». Это – Россия, ее общество, ее народ¹¹. Здесь мне слышатся возмущенные восклицания, причем в общий хор сливаются голоса либеральных критиков путинского режима и прочих хороших русских с голосами самых отъявленных путинистов: Как! возложить на всех нас коллективная вину! Коллективную ответственность! и т.п. Сразу внесу ясность: не мое – и ничье из людей – дело судить народы, это находится в ведении иной инстанции. Но сказанное не может служить оправданием молчания и бездействия.

О коллективной вине и ответственности – ниже. Пока же о коллективной невинности и коллективной безответственности. Народ Украины ни в чем не виноват и никак не повинен в развязанной против него войне на уничтожение, а вот российский народ в своей коллективной безответственности некую долю ответственности определенно несет.

Преступное государство

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

Неизбежно возникает вопрос: почему и, главное, зачем Россия это делает? Ради денацификации? Ради борьбы с русофобией? Ради того, чтобы не подпустить НАТО к своим границам? Все это и тому подобное может удовлетворить лишь идиотов и то не всех. Тем не менее, начавшуюся 24 февраля войну нельзя назвать беспричинной. Разделим рассмотрение этого вопроса два: почему война и почему с Украиной. Как ни парадоксально, правы те апологеты войны, которые утверждают, что Россия была вынуждена ее начать. Однако вынудили ее к этому не внешние причины, а

¹¹ Ср. Мартин Шульце Вессел: «Это не война Путина, это война России» (www.bbc.com/russian/features-61720392).

внутренние. Не Украина с НАТО заставили Россию начать авантюру с денацификацией и деукраинизацией, а сама логика, я бы даже сказал сущность, путинского государства. Современная Россия является преступным государством. Развитие в этом направлении шло неуклонно в течение двух десятилетий. Срок немалый, особенно учитывая, что Гитлеру для достижения сопоставимого результата потребовалось всего шесть лет. В России не действуют гражданские свободы, ущемляются основные права человека, уничтожены ростки гражданского общества и правового государства, власть является авторитарной с уклоном в тоталитарную диктатуру. Из каналов массовой дезинформации круглосуточно льются потоки лжи. Ложь объявляется правдой, а правда – ложью, подлежащую преследованию. Разделение властей лишь имитируется. «Законодательный» орган массово штампует противоречащие конституции и международному праву акты, преследующие лишь одну цель: легитимизировать беззаконие и еще более развязать руки «исполнительной» и «судебной» властей (кавычки означают, что дело идет не о ветвях власти, а о соответствующих вывесках). Реальная власть сосредоточена в руках президента и избранных представителей спецслужб, составляющих его окружение. Все остальные государственные институты не являются носителями власти, но лишь прислужниками ее, что, разумеется, не освобождает их от ответственности ни сейчас, ни в будущем – преступления против человечества не имеют срока давности.

Здесь следует сделать терминологическое отступление, поскольку понятие преступного государства не имеет пока четкого юридического смысла и в различных публицистических текстах нередко отягощено эмоциями, лишь затемняющими существо дела¹². Мой подход к проблеме вытекает из нескольких высказываний Карла Ясперса.

Понятие преступного государства было предложено Карлом Ясперсом в его размышлениях о природе нацизма и созданной на его основе государственной системе. Если любое государство может совершать преступные акты, то преступное государство не может их не совершать, они являются следствием его сущности. Преступное государство является преступным в сущности, а не в своих отдельных проявлениях. Что, казалось бы, плохого в строительстве автобанов, здоровом образе жизни, укреплении национального характера или развитии национальной культуры (мастерски сделанные фильмы, Байройтский фестиваль и т.п.)? Каждая из этих вещей по-отдельности может считаться положительной или по крайней мере нейтральной, но в преступном государстве все они подчинены целям, являющимися в основе своей преступными. Все институты национал-социалистического государства служили в конечном счете установлению диктатуры, ее усилению, репрессиям и, наконец, войне, начатой успешным блицкригом и закончившейся тотальной бойней.

¹² О преступном государстве говорят, как правило, не юристы, а политики и публицисты. Не приходится удивляться тому, что список преступных государств существенно различается у различных авторов и часто означает лишь политическую неприемлемость. Так, Турция считает преступными следующие государства: Грецию, Кипр, Армению и Израиль – очевидно, что основания для такой квалификации лежат не в юридической, а политической сфере. Не удивительно, что ни одно из перечисленных государств не входит, например, в американский список.

Наиболее серьезная из известных мне попыток юридического анализа содержится в статье Robert J. Bunker, Pamela L. Bunker. *Defining Criminal-States. Global Crime. Vol. 7, Issue: 3-4, 2006. Pp. 365-378*, но и здесь главный упор делается на странах изгоях, несостоявшихся государствах и террористических образованиях типа ИГ.

Современные поклонники Гитлера, рассуждающие о том, что автобаны, воссоединение нации в едином государстве и закаливание характера юношества – хорошо, а концлагеря и война – конечно плохо, но это случайные ошибки и мы не должны забывать все то положительное, что принес национал-социализм и т.п., игнорируют самую суть преступного государства.

Преступное государство является противоположностью правового государства. Если сутью правового государства является законность, то основой преступного государства – беззаконие¹³. Преступное государство вынуждено творить и воспроизводить беззаконие, только в беззаконии оно находит свое оправдание.

Преступное государство, порождает, творит, охраняет и преумножает беззаконие, захватывая в пространство беззакония все новые и новые области. В оправдание уже совершенных преступных актов творятся новые, которые, в свою очередь, нуждаются в беззаконных и лживых оправданиях – ложь в преступном государстве является столь же необходимой составляющей, как и физическое насилие.

Преступному государству необходимы враги и оно их порождает. Чем больше преступных актов государство совершает, тем больше у него становится врагов и тем опаснее становятся враги государства. Что, в свою очередь, стимулирует раскручивание маховика репрессий и агрессивной внешней политики.

Преступления против своего населения («внутренних врагов») имеют необратимый характер, они развиваются с возрастающей скоростью и, в конечном счете, неизбежно подводят государство к черте, когда, не прекращая внутригосударственные репрессии, оно вынуждено направить свою агрессию вовне. Тем более, что внутренние враги на поверку оказываются агентами врагов внешних.

Поначалу можно удовлетвориться маленькой победоносной войной – таковой стала агрессия против Грузии в 2008 году, однако для сохранения своей идентичности преступное государство нуждается в постоянном возобновлении агрессии, причем во все возрастающих масштабах. Так что правы пропагандисты путинского режима: Россия была вынуждена начать полномасштабную войну, такая война ей экзистенциально необходима.

Но почему Украина? Ответ не столь очевиден. В ставших достоянием гласности путинских планах агрессии фигурировали, кроме Украины, еще страны Балтии и Польша. Согласно этим данным, рассматривался в частности вариант с нанесением тактического ядерного удара по одной из недавно присоединившейся к блоку «русофобской» стране НАТО с последующим предложением мирных переговоров в соответствии с той повесткой, которая вскоре и была в ультимативной форме предъявлена. Дескать, НАТО, собирайте манатки и валите за границы 97-го года. Почему был выбран другой сценарий доподлинно неизвестно; вероятно, Путина убедила неизбежность ядерного же ответа. Не подкрепленный ядерным шантажом ультиматум прозвучал не столь величественно, как это хотелось бы его предъявителям.

Хочу развеять два распространенных недоразумения, связанных с планами Путина. Якобы они заключаются в восстановлении Советского Союза или в построении

¹³ Ср.: «Преступным государством является такое, которое в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что это государство рождает в потоке законов, представляет для него средство для усмирения и покорения народа, а не нечто такое, что оно само уважает и соблюдает» (Карл Ясперс. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель» 1965 г.) // *Независимый психиатрический журнал*. 2005. №1).

империи Русского мира. Все это – лишь дымовая завеса, преследующая цель воодушевить одних и напугать других. Путину наплевать и на Советский союз, и на русских вкупе с их миром. О Путине много чего можно сказать, но он не дурак. Он знает свои методы и возможности. Он не может ничего восстанавливать или построить, все его способности лежат в сфере убийств и разрушений. Он не то, что Крым или там Абхазию с Осетией – он свои марионеточные образования «ДНР» и «ЛНР» не в силах обустроить. Русский мир? Это когда разрушаются города в восточной Украине со значительным русскоговорящим населением, а само население обречено на репрессии и гибель лишь за то, что не хочет участвовать в реализации путинских преступных планов? Денацификация? Это когда украинцы преследуются лишь за свою национальную принадлежность, когда убиваются – в числе прочих – и выжившие в нацистских лагерях?

В русской-советской-постсоветской культуре внешний враг – кто бы он ни был – обладает набором устойчивых характеристик. 'Быть врагом' – это функция, а понятие 'враг' характеризуется подвижным референтом. Есть некий дискурс врага, который в зависимости от ситуации может быть применен к различным странам, в результате чего сходные или даже одни и те же характеристики обнаруживаются у самых различных стран и народов. В одной своей давнишней публикации я показал, как в 2008-2011 годах один и тот же семантический комплекс реализовался в пропагандистских высказываниях о Грузии и Польше. В значительной мере этот же семантический комплекс был позже переадресован Украине. Т.е. в данном случае вопрос заключается не в том, почему Украина – враг, а почему враг – Украина.

Для поддержания имиджа («где Путин, там победа») Путину была нужна победоносная война. Украина в качестве жертвы агрессии была выбрана из-за того, что Путину казалось, что успех обеспечен. С одной стороны, он знал, что часть украинского руководства, включая армию и спецслужбы, завербована, что в обществе действует большое количество агентов влияния; с другой стороны, его собственные коррумпированные спецслужбы снабжали его недостоверной информацией, преувеличивающей размер коррупции во властных структурах Украины и пророссийских настроений в армии и среди населения. Расчет был, что будет как в Крыму: наглая спецоперация и измена; в Крыму часть командования (включая командующего ВМС Украины) просто перешла на сторону врага. Не получилось. Здесь не место сколько-нибудь подробно разбирать ход военных действий. Попытки блицкрига некоторое время еще продолжались, но он был морально проигран уже вечером 25 февраля, когда президент Зеленский вместо того, чтобы искать убежище за границей, предстал в окружении высшего руководства перед камерами в Киеве: «Мы – тут. Президент – тут».

Вина и ответственность

Вот так просто попасть в — палачи:

Промолчи, промолчи, промолчи!..

Карл Ясперс: «Каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят».

Вопрос в том – как и перед кем он отвечает. Согласно Ясперсу, когда мы говорим о преступном государстве и его гражданах, следует различать четыре вида вины и ответственности: уголовную, политическую, моральную и метафизическую.

Начнем с конца. Метафизическая ответственность по Ясперсу – это ответственность человека и народа перед Богом. Ее мы рассматривать не будем, отметим лишь, что

при обсуждении метафизической вины апелляция к Богу не обязательна. В рамках иной философской парадигмы и, соответственно, в других терминах сходную мысль выразил М.М. Бахтин, когда выдвинул тезис о «не-алиби в бытии»; метафизическая ответственность в этих терминах – это ответственность перед бытием.

Моральная ответственность – это ответственность перед совестью. Здесь не место вдаваться в рассмотрения тонкостей моральной философии и философии Другого, отметим лишь принципиальную двойственность моральной ответственности:

ответственность перед собой и ответственность перед другими.

Первая интимна и индивидуальна. Ты либо чувствуешь свою ответственность за свои дела и за происходящим вокруг тебя, либо нет. Способность к моральной ответственности считается неотъемлемым свойством психически здоровой личности, отличающей ее от слабоумных, с одной стороны, и психопатов – с другой. Совесть – индивидуальна и субъективна, но это не значит, что она произвольна – есть поступки, которые человек не совершает только потому, что они не соответствуют его представлению о себе. Скажем, я могу безнаказанно совершить кражу («никто не видит»), но я не совершаю ее, поскольку это повредило бы моему представлению о себе как о честном человеке.

Сложнее с ответственностью перед другими. Кого считать «другими»? Тот честный человек, с которым я соотношу свои поступки – кто он: я сам или другой? В конечном счете дело в самоидентификации: кто я такой, и кто моя референтная группа. Помню спор моего отца с философом Александром Пятигорским по поводу оккупации Чехословакии в 1968 году. Отец, остро чувствуя свою вину, употребил местоимение «мы», на что Пятигорский ответил, что он никакой вины не чувствует, поскольку с этим государством его ничего не связывает, для него это не «мы», а «они». Т.е. отгородившись от «них» Пятигорский как бы обеспечивает себе алиби в бытии «их» государства. Аналогичную психологическую защиту выстраивают себе сейчас многие россияне (а ля: я-то тут причем, меня не спрашивали).

В Германии 1930-х – начала 1940-х годов нелояльность Гитлеру, кроме всяких иных неприятностей, грозила моральным осуждением. Примерно также обстоит дело и в нынешней России, если ты не Запутинец. Слияние с массой заглушает совесть, в массе человек теряет многие свойства личности, в массе у него нет лица. Один из героев Фолкнера объясняет, почему линчуют всегда в темноте: чтобы не видеть лиц друг друга, ибо сколько бы они не кричали о праведности своего дела, в глубине души они знают, что это не так.

Ясперс вводит понятие «лживой совести». То, что человек был обманут начальством или пропагандой не снимает с него ответственности ни за его собственные действия, ни за действия, совершаемые преступным государством. Действие является преступным вне зависимости от того, осознается его преступный характер или нет. Это же касается преступного бездействия.

Мораль неотделима от истины и общественное мнение (докса) не является критерием истины. Подчинение собственной совести господствующей в обществе неправде и приводит к тому феномену, который Ясперс назвал лживой совестью. Здесь уместно привести слова другого великого немца – Томаса Манна: «Дирижер, который, будучи послан Гитлером, исполнял Бетховена в Цюрихе, Париже или Будапеште, становился виновным в непристойнейшей лжи — под предлогом, что он музыкант и занимается музыкой и больше ничем». Сейчас такой непристойнейшей ложью заняты сотни деятелей русской культуры и не только они.

Политическую ответственность рассмотрим вместе с уголовной. Дело в том, что Ясперс писал о политической ответственности Германии в условиях ее оккупации войсками держав-победителей. В нынешней войне никто оккупировать Россию не собирается, военное поражение России не приведет к захвату ее международно признанной территории. Политическая ответственность в этом – и, в случае необходимости, в аналогичных конфликтах в будущем – должна выступать в симбиозе с юридической и заключается в ответственности перед международным судом.

Уголовная ответственность в современных условиях предполагается только индивидуальная: наказанию подлежат только лица прямо или косвенно ответственные за совершение военных преступлений. Впрочем, в приговорах Нюрнбергского процесса фигурировали и преступные организации: НСДАП, СС, СД и гестапо. Но даже в Нюрнберге не обсуждалась возможность суда над государством. Нацистское государство было уничтожено де-факто, поражением в войне и разделением на оккупационные зоны, а не по решению суда. Разрыв с гитлеровским государством получил юридическое оформление в результате создания новых немецких государств с новыми государственными институтами, не являющимися преемниками учреждений, действовавших во время нацистского правления (Австрия вернулась к конституции 1919 года).

Возникает своего рода парадокс: с одной стороны, государство может быть субъектом преступления, с другой стороны, государство может быть подвергнуто разного рода наказаниям, начиная с санкций в политической и экономической областях и кончая санкциями, лежащими в гуманитарной или семиотической сфере (запрет на использование государственной символики). Однако, государство не может быть посажено на скамью подсудимых, т.е. выступать ответчиком в суде, поскольку отсутствует как необходимая для этого судебная инстанция, так и соответствующая законодательная база. С этим связан ряд негативных последствий. Во-первых, санкции имеют в определенной мере произвольный характер: отсутствует единый и общеобязательный свод, кодифицирующий наказания за совершаемые государством преступные действия. Во-вторых, это создает разнообразные возможности для обхода санкций или для неприсоединения к ним. И в-третьих, ООН, являющейся высшей инстанцией в отношении наложения санкций, оказывается беспомощной, если речь идет о преступлениях, совершенных постоянным членом Совета Безопасности. Кроме того, ООН является политической организацией, а не беспристрастным юридическим органом.

Все это указывает на необходимость заполнения этого пробела в системе международного права. Чтобы не дублировать существующие правовые институты (например, Международный уголовный суд или Международный суд ООН) в юрисдикцию создаваемого суда будут входить только преступления против человечества, а ответчиками будут выступать только государства, а не отдельные лица (этими преступниками занимается Международный уголовный суд). Вердикты этого суда должны стать общеобязательными: если суд принял решение о наложении определенных санкций, то эти санкции являются обязательными для всех государств, а нарушители санкций сами автоматически подвергаются им.

Пока же лишь несколько беглых замечаний. Очень важным является положение Ясперса, согласно которому преступное государство лишено права на преемственность. Все институты преступного государства не подлежат преобразованию, они должны быть отменены. Это касается всех ветвей власти: армии,

полиции, всех служб безопасности, системы образования и т.п. Недостаточно плохого Гитлера заменить хорошим Дёницем, плохого Гимmlера хорошим Шмиттом, плохого Хайдеггера хорошим Хайдеггером – у гитлеровского государства не может быть правопреемственности, все его институты (включая культурные) подлежат отмене. Так и в России. Реформы существующих организаций не помогут – вспомним 91-й год. Свободные выборы и замена плохих людей хорошими – тоже не решение. Отменены должны быть все институты путинского государства, начиная с президента и кончая национальным театром.

Это же касается и культуры. И, может быть, культуры в первую очередь, поскольку на ней особенная ответственность: войска и карательные органы губят тело, культура – душу. Война сейчас ведется не только на просторах Украины, но и в культурном пространстве. Некоторые российские артисты были подвергнуты санкциям и уволены в частности из Метрополитен-оперы. Вместе с тем, генеральный директор Метрополитен-оперы Питер Гелб заявил, что созданные русскими шедевры не ответственны за Путина. «Мы отменяем Путина, а не Пушкина. Мы не будем менять наши планы, касающиеся исполнения русского репертуара». Я могу понять господина Гелба – сам так думал в течении десятилетий – но в нынешнем контексте считаю такую позицию неприемлемой, частью той непристойнейшей, по Томасу Манну, лжи, в которую сейчас вовлечены не только пропутинские пропагандисты, но и некоторые «хорошие русские».

У меня было три формулы для внутреннего пользования, своего рода мантры.

Первая, солженицынская: нельзя путать русское с советским; вторая, народническая: народ не повинен в преступлениях власти и третья, уже собственная: а Пушкин-то чем провинился? Все три оказались несостоятельными.

Если Сталин – самая популярная в России историческая фигура, если в постсоветскую эпоху на единственных более или менее свободных выборах победили коммунисты с ЛДПР-овцами, если случись сейчас свободные выборы, то именно коммунисты имели бы наилучшие шансы и т.п., то о какой несовместимости русских с коммунизмом может идти речь?¹⁴ О

(без)ответственности народа распространяться не буду, главное же – Пушкин, в чем его вина?

Для начала хочу привести по необходимости обширную цитату из эссе поэта и пропутинского публициста Игоря Караулова:

«В некотором смысле хорошо, что в головах у противников России наступила эта кристальная, непротиворечивая ясность. Хорошо, что у них больше нет иллюзий насчет русской культуры. Прежде они противопоставляли русскую культуру и российское государство. Мол, одно дело – Путин [...], а другое – прекрасный Чайковский, написавший для нас лучшую рождественскую музыку. Теперь им открылась неутешительная истина: и Чайковский, и Чехов, и Левитан, и Стравинский, и Малевич, и Бродский – из той же команды, что Ермак, Потемкин, Суворов, Ермолов, Скобелев, Жуков».

Заглавие эссе «Запад испугался величия русской культуры» выдает желаемое за действительное, но в процитированном пассаже содержится изрядная доля истины. Так как с этим быть? Как отделить великую русскую культуру от государственных преступлений; даже отвлекшись от преступлений советской власти (якобы

¹⁴ Игорь Шафаревич считал, что выражение «русский коммунизм» содержит противоречие в терминах.

антирусской), нельзя забыть разделы Польши, культурицид в Украине, геноцид черкесов и еще многое другое? А никак – попытки отделения хороших русских от нехороших выглядят жалко и обречены на провал.

Говоря о Германии, Томас Манн высказал важную мысль: «Нет двух Германий, доброй и злой... Злая Германия – это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях, и стоящая теперь перед катастрофой». Это же самое должно быть сказано и о России: нет двух, к примеру, Пушкиных – доброго, автора «Евгения Онегина», и злого, написавшего «Гаврилиаду» и «Бородинскую годовщину»; я уж не говорю о том, что, к примеру, в «Полтаве» пришлось бы предполагаемую границу прокладывать внутри текста. Пушкина отменить нельзя, но это не значит, что ему как рукотворному идолу остается лишь поклоняться. Для того, чтобы в будущем мы могли бы наслаждаться творчеством Пушкина, мы должны не стыдливо прятать его непотребства, не искать им оправдания, а выявлять и беспристрастно анализировать их¹⁵.

Если у русской культуры еще есть какое-то будущее, то ведущаяся сейчас в Украине геноцидная война должна стать для нее даже не поворотным пунктом, а точкой невозврата. То, к чему я призываю – это не отмена русской культуры, а ее честный анализ. Еще Георгий Федотов в эссе о Пушкине говорил о внутреннем раке, разъедающим Россию; с тех пор рак дал многочисленные метастазы. «Пусть Германия вытравит из себя спесь и ненависть, и ее полюбят», – сказал Томас Манн. Спесь и ненависть должна вытравить из себя и русская культура, она должна быть декриминализована. Недостаточно указать на токсичные плоды культуры, должны быть выявлены их истоки и корни.

На независимость Украины

Я бы вплетал свой голос в общий звериный вой

В процессе работы над этим эссе – а писал я его долго и мучительно – мне пришлось прочесть целый ряд текстов, пытавшихся с точки зрения русской культуры осмыслить происходящее. По-настоящему адекватной представляется мне только позиция Ивана Вырыпаева¹⁶, в большинстве же других так или иначе перепевается тема невозможности отмены русской культуры. В критических выступлениях чаще всего упоминался Бродский с его антиукраинским стихотворением.

Выявление злокачественных образований в русской культуре, вероятно, следовало бы начинать с Пушкина, но раз уж подвернулся Бродский, то пусть будет Бродский. Да он сейчас и актуальнее.

Смерть Бродского ночью 28 января 1996 года была скоропостижной, но не неожиданной. Он знал, что умирает и его последней отказ от операции сравним с отказом приговоренного писать прошение о помиловании. Прощание и подведение итогов слышится в целом ряде его стихотворений последних лет. Но случилось так, что

¹⁵ В созданной нами Академии свободных искусств (Academia Artium Liberalium) после вторжения в Украину я начал читать по-эстонски курс лекций «Русская культура. Этюды в черном». К настоящему времени прочитал **четыре лекции**, три первые посвящены Украине, четвертая – Пушкину. Они доступны в YouTube. Планирую еще 5-8 лекций. Этот материал должен стать доступным и по-русски, но пока у меня нет подходящего канала.

¹⁶ «У этой страны нет будущего – в том виде, в котором оно существует. Это очевидно для меня. У русской культуры этой – нет будущего» (<https://www.sibreal.org/a/otvrascheniya-k-russkoy-kulture-budet-vse-bolshe-rezhisser-ivan-vyrypaev-o-teatre-i-voyne/31794642.html>).

именно «На независимость Украины» стало послесловием ко всему его творчеству. Не пожелаешь и врагу.

Стихотворение вызвало конфуз и негодование у публики, считающейся приличной, и признание у публики, приличной не считающейся. То, какие мерзавцы и с каким упоением цитируют этот текст, находя в нем себе оправдание и источник для вдохновения, в иных условиях могло бы считаться более чем достаточным посмертным наказанием автора. Но после Бучи этим ограничиться нельзя. Лиза не позволяет. Пепел Клааса.

Ни одно из стихотворений Бродского не является сейчас столь цитируемым и столь злободневным. Оно называется и лучшим стихотворением поэта и худшим.

Сторонники первой оценки считают необходимым постоянно напоминать о нем и при каждом удобном случае цитировать. Те же, кто считает стихотворение откровенно слабым, никчемным, хамским, позорным и т.п., также не могут отказать себе в неудовольствии процитировать наиболее возмутительные пассажи, а то и весь текст целиком. Казалось бы, если стыдно и противно, то плюнь да отвернись. Но не получается, есть в скандальном стихотворении что-то завораживающее, приоткрывающее нечто существенное как в самом Бродском, так и в русской поэтической традиции. Вот и я не могу плюнуть да отвернуться.

Должен сразу предупредить, что сказанное ниже не является литературоведческим анализом – время для такого анализа, с одной стороны, прошло, с другой – еще не наступило. Я даже не собираюсь предлагать сколько-нибудь связную трактовку этого стихотворения, моя задача лежит не в области литературной критики, но критики гражданской, чтобы не сказать ассенизаторской: вывести на чистую воду всю подлость и грязь, содержащуюся в этом тексте. Это – мой долг не только по отношению к украинским друзьям, но и по отношению к Бродскому и русской поэзии вообще. Чтение текста, как написанного сейчас, без учета историко-литературного контекста его написания, называется презентизмом (или антиисторизмом). С точки зрения академической науки такое прочтение является непростительным грехом, но я и не преследую академические цели. В данном случае презентизм оправдан с гражданской точки зрения. Именно так читают сейчас это стихотворение как украинцы, так и ненавистники Украины. Ср. в сети восхищенные возгласы последних в духе: это Бродский не о прошлом написал, а о настоящем и будущем.

Предлагаемое прочтение по необходимости является крайне упрощенным. «На независимость Украины» – текст трудный, многослойный, но я не собираюсь здесь разбираться во всех его тонкостях. Остановлюсь, в первую очередь, лишь на тех его элементах, которые могут быть оскорбительными и ставшими особенно актуальными после 24 февраля. В конце сделаю несколько беглых замечаний, касающихся имперской темы у Бродского. Цель этих замечаний не в оправдании рассматриваемого текста, а в расширении контекста.

Стихотворение является оскорбительным. Какие бы изощренные контраргументы не приводили его апологеты, они не могут отменить тот факт, что оно и написано было с явным намерением оскорбить. Стихотворение не просто оскорбительное, оно издевательское. Обилие обидных прозвищ, (псевдо)украинизмов, сваленных в тексте аморфной грудой, прозрачный намек на сексуальное унижение, оскорбительность которого усилена национальной составляющей – все это служит целям унижения Украины и ее народа.

Семантическая сложность текста не приглашает к вдумчивой дешифровке, а воспринимается как заумная белиберда, когда каждое лыко вяжется в строку, отчего абсурдные упреки и обзывалки кажутся еще более издевательскими: хохлы и т.д. – хамство, но хамство понятное, а вот почему еще и какие-то толи арбузы, толи дыни? Издевательство над украинцами и украинством в России не обходится обычно без издевок над языком, и все украинизмы в стихотворении вводятся не, к примеру, ради создания местного колорита, а исключительно с издевательской целью. Украинцы – деревенщина, порождение чернозема и их язык соответствующий; где им с таким языком подняться до уровня высокой поэзии. Такой как русская. Поскольку, как сказано в Нобелевской лекции, поэзия суть диктат языка и что не язык является инструментом поэта, а поэт является средством языка, то каков язык, такова и брехня на нем. Все стихотворение подводит к финальному пуанту о Тарасе и Александре. Непригодность украинского языка для выражения высоких материй – старая тема. В наиболее изощренной форме ее аргументировал Н.С. Трубецкой, который старался выразить ее в академическом стиле, не оскорбляя национальные чувства украинцев. Трубецкой выделяет в каждом языке два этажа: нижний этаж обращен к народным корням, верхний этаж обращен к высшей духовной и умственной жизни. Поскольку Украина была в XVII веке в культурном отношении более развита, чем Московия, то «началом создания общерусской культуры послепетровского периода послужила духовная украинизация Великороссии». И далее: «Общерусская культура преемственно связана только с западнорусской, украинской культурой допетровского периода, а не с старой великорусской культурой, традиция которой оборвалась в конце XVII-го века». Т.е. поскольку великорусский язык в своем верхнем этаже – это уже как бы украинский, то зачем же украинцам еще строить особый верхний этаж на почве этнографического диалекта и развивать на его основе какую-то национальную культуру? Получится «не культура, а карикатура» – не удержался-таки великий лингвист на высоте бесстрастного академизма. Не приходится удивляться, что из всего эссе Трубецкого нынешние шовинисты от языка вспоминают лишь карикатуру. Бродский не утруждает себя подобными умствованиями, предпочитая им издевательства на «нижнем этаже».

Вернемся, однако, к Александру и Тарасу. Если касательно Тараса апологеты этого стихотворения предлагали различные остроумные уловки, вроде Тарас-то – Бульба, то в отношении Александра, кажется, ни у кого трудностей с идентификацией не возникает. А между тем здесь есть над чем задуматься.

Дело в том, что Бродский не очень любил Пушкина, упрекал его в создании «гармонической школы», приведшей к «гладкописи». Пушкину Бродский решительно предпочитал Баратынского: «Баратынский был куда более глубоким и значительным явлением, чем Пушкин»¹⁷. Так почему же умирая нужно хрипеть строчки из Александра, а не из Евгения или не из не менее любимой Бродским Марины? Не потому ли, что *назовет меня всяк сущий в ней язык? Неплохо для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко – и в частности от родины...*

К Александру еще вернемся. Пока же остановимся на поднимаемом поклонниками Бродского совершенно несущественном на мой взгляд вопросе: от чьего лица написан

¹⁷ Интервью с Анни Эпельбуан (1991). В устных разговорах Бродский был еще категоричнее.

текст – самого Бродского или его «лиргероя» (т.е. лирического героя). То есть, если это лиргерой, а не сам Бродский, то вроде как все не так уж и плохо. Такие рассуждения лишены всякой ценности: не имеет значения, от своего ли имени поэт поливает грязью целый народ или надевает для этой цели маску. Если же всерьез говорить о коммуникативной перспективе в этом тексте, то она не то что двоится, но является принципиально неопределенной и мозаичной. Обращающийся к Карлу XII едва ли является тем же самым кацапом, который 70 лет сидел под образами в Рязани (*я не любил жлобства, не целовал иконы*); этот последний в принципе мог бы размышлять о плевке в Днепр, но он ли лез вместе с украинцами в петлю, выбирая для этого в чаще сук (что и говорить, славное прошлое совместного сожительства: сообщая в петлю лезть – есть над чем слезу пролить)? Кто вспоминает о людских потерях? Наконец, кто занимается анализом сравнительных достоинств творчества Шевченко и Пушкина? Ни один из этих субъектов речи не может быть ни отождествлен с Иосифом Александровичем Бродским, ни отделен от него, точка зрения текста осциллирует между разными субъектами речи, что позволяет переходить от историософии к брани самого низкого пошиба.

Певец империи и свободы. Так озаглавил свое эссе о Пушкине Георгий Федотов. Этими же словами можно было бы охарактеризовать и Бродского. Беда подобных формулировок в том, что они, претендуя на многое, объясняют мало. Русская поэзия – особенно поэзия петербургская – настояна на имперском субстрате. *Из памяти изгрызли годы, За что и кто в Хотине пал, Но первый звук Хотинской оды Нам первым криком жизни стал.* Певцами империи были, если называть лишь самые громкие имена, Ломоносов, Державин, Пушкин, Тютчев... Петербургский имперский классицизм (ампир), вся петербургская архитектура и планировка города, его парки, проспекты и перспективы создавали атмосферу, воздействовавшую сильнее идеологии. Тем не менее, имперское начало имперскому началу рознь. Совсем по-иному звучит оно в творчестве учителей Бродского – Ахматовой и Мандельштама, и учителя его учителей – нежнейшего Анненского с его кошмарной совестью.

Бродский является певцом империи, вероятно, даже в большей степени, чем кто-либо в русской поэзии до него. Российская, Римская, Британская, Китайская периоды династии Минь и даже столь эфемерное образование как Мексиканская империя Максимилиана – все они лишь проекции вечной идеи. Империя не ограничена ни во времени, ни в пространстве, она продолжается и после нашей эры, и в залетейском мире. Чего, однако, у Бродского нет – это темы строительства империи, ее блистательных военных побед и блистательного правления. Империя у Бродского – пространство застоя и распада, а не созидания и процветания.

Мне уже приходилось писать о своеобразном платонизме, вернее анти-платонизме Бродского: свое наиболее полное воплощение идея находит не в расцвете, а в упадке, в развалинах, в руинах, в пыли, в превращении в конечно счете в ничто (здесь соблазнительно вспомнить Хайдеггера, но это сближение было бы ошибочным). *Мы, оглядываясь, видим лишь руины...; Архитектура, мать развалин...; В этом и есть, видать, роль материи во времени – передать все во власть ничего...*

Державинское *гром победы раздавайся* немыслимо у Бродского, равно как невозможно воейковское имперское колониальное бахвальство: *Галл, перс, прусс, хин, швед, венгр, турок, сармат и саксонец, – Всех победили мы, всех мы спасли и всех охраняем.*

Украинская тема в имперский поэтический дискурс введена Пушкиным в его великой поэме «Полтава». Пушкин прекрасно понимает стремление украинцев к независимости и вкладывает в уста Мазепы убедительный и прочувственный монолог, содержащий в частности слова: *независимой державой Украине быть уже пора*. Но все это имеет мало значения по сравнению с ходом истории: *Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, Огромный памятник себе*. Памятник этот – Российская империя.

Пушкин – наше все. В отношении имперского дискурса – тоже. У Пушкина встречаем почти все то, чем нас радуют нынешние российские гопники из подворотен и министерств: тут и победобесие, и русофобия, и *можем повторить*, и даже бахвальство сексуальным насилием. Могут возразить, что Пушкин «Рефутацию г-на Беранжера» не публиковал. Действительно, не публиковал, но читал и распространял в списках. Так ведь и Бродский не публиковал.

В связи с войной в Украине особой популярностью стало пользоваться пушкинское «Клеветникам России», с точки зрения становления имперского дискурса не самый важный его текст. Но в нем содержатся две примечательные строки, обычно оставляемые без должного внимания: *Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос*. Их можно понимать двояко: как перечисление славянских возможностей, до которых адресату не должно быть дела, или как импликацию: если славянские ручьи не сольются в русском море, то оно иссякнет. В

любом случае, второе прочтение присутствует по крайней мере подспудно. Т.е. дело идет не о независимости Польши, а самом существовании русских: подавление польского восстания для Российской империи – вопрос экзистенциальный.

Это возвращает нас к Бродскому. Как-то полемизируя с одним в высшей степени интеллигентным русским националистом, я спросил, почему украинские националисты могут прекрасно обходиться без России, а русские националисты без Украины не могут. Я сравнил чувства русских с фантомными болями в ампутированной конечности. Собеседник поддержал это сравнение, но отметил, что причина очевидна: украинский национализм имеет этническую основу, а русский – имперскую; без Украины Россия не может быть империей, а если она не империя, то что же она? (Не ручаюсь за точность слов, но мысль была именно такой). На предложение Александра Сокурова отпустить народы, не желающие быть в России, Путин ответил: «Вы хотите нас превратить в Московию». Так и у Бродского. Стихотворение называется «На независимость Украины», но могло бы быть озаглавлено «На распад России».

Певцу распада империи выпала редкая удача наблюдать процесс *in statu nascendi*, но результатом наблюдения стали не философические раздумья, а желчная инвектива. Стихотворение содержит скрытый ответ на вопрос Пушкина: *Прошло сто лет — и что ж осталось От сильных, гордых сих мужей?* Для Пушкина этот вопрос был риторическим: ничего от них не осталось, чувства и амбиции людей и народов забыты, а то что осталась – это империя, огромный памятник победителю Полтавы. Оказалось, что не то что сто лет, а почти что триста – не срок для Времени и время показало-таки кузькину мать.

Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, слава Богу, проиграно.

Полтавская битва стала национальной катастрофой для Украины и триумфом России, решившим исход Северной войны, победа в которой, в свою очередь, стала свидетельством рождения империи. Независимость Украины знаменует начало ее конца. Сражение под Полтавой проиграно.

И последнее. В спорах и рассуждениях об этом стихотворении превалирует совершенно несущественная тема: хорошее ли оно или плохое, а если плохое, то стоило ли Бродскому его зачитывать. Хорошее или плохое – я не знаю, и мне это не очень интересно; важно другое – это очень значительный текст, открывающий многое не только в поэзии Бродского, но и в обширном пласте русской ментальности. Полагаю, что украинцам оно значительно облегчило прощание с Россией.

Лотман Михаил Юрьевич

Mihhail Lotman, MP
Professor emeritus
Tallinn University
Research professor
University of Tartu

Пока что позвольте проинформировать о некоторых аспектах моей публичной деятельности "на украинском направлении" (Путин).

В начале войны я создал в нашем парламенте объединение в поддержку суверенитета и территориальной целостности Украины [Объединение - Рийгикогу \(riigikogu.ee\)](http://riigikogu.ee), но сейчас еду в составе другого объединения. [Депутатская группа - Рийгикогу \(riigikogu.ee\)](http://riigikogu.ee)

С марта побывал уже в Украине четыре раза, в том числе в составе межпарламентской организации U4U (<https://www.u4u.com.ua/>).

Кроме известной Вам статьи на "Свободе" есть отклик на российскую мобилизацию:

<https://www.svoboda.org/a/mobilizatsiya-i-degradatsiya-mihail-lotman---o-russkom-proteste/32053028.html>

А в самом начале этого этапа агрессии мы с проф. Макарычевым запустили Тартускую декларацию: <https://www.change.org/p/russian-people-abroad-stop-war-in-ukraine>

<https://www.svoboda.org/a/pevets-imperii-na-fone-buchi-putinskaya-voyna-i-iosif-brodskiy/32069841.html?fbclid=IwAR2kpDHlrOuzZrdnGmFxtYfxN3-qxa-QnFoypNszuLvD8y4Zn3fWcRrs-s> Певец империи на фоне Бучи

<https://www.svoboda.org/a/mihail-lotman-rossiya-odna-i-otvechatj-pridetsya-nam-vsem-/32197636.html>

Интервью с Михаилом Лотманом: "Россия одна, и отвечать придется нам всем"

Russia's War Through the Eyes of Western Intellectuals: Examples of (Mis) Understanding

Igor Romanov

In my brief speech, I would like to express some theses (mostly without attribution) that I have repeatedly come across in newspaper and magazine publications, as well as in psychoanalytic articles, private conversations and correspondence with colleagues. Most of these statements strike me as far from reality, driven in part by political and/or ideological

bias related to Russia, Ukraine or our allies, and in places even pejorative. I am sure that there are people in this audience who share some of these beliefs quite sincerely and consistently, and I would like an open conversation in which, for example, I could be convinced that I am wrong but they are right. But at the moment, I am of the opinion that this set of beliefs is quite common and dangerous, because it affects the public opinion of Western countries, which in turn affects the policy of Western governments towards Ukraine.

1. Some colleagues, publicly and non-publicly, say something like this: "Yes, Russia is committing the crimes, but it needs to be understood. The growth of Russian tyranny inside and expansionism outside is due to the "triumphalism" of the West as a result of victory in the Cold War and the "terrible suffering" that befell the Russian people after the collapse of the USSR". This thesis can acquire various subparagraphs and conclusions. Thus, one of my highly respected teachers wrote to me that the dissolution of NATO after the collapse of the USSR would be the best solution. Another respected teacher suggested that the preservation of the USSR under the leadership of Gorbachev would save us from the current troubles. Some supporters of this point of view believe that the crimes of the West/America/neoliberalism/globalism/capitalism are much worse than what is happening today in Ukraine. And most of them agree on the idea that the behavior of Putin and 80% of Russians who support him can be understood in terms of projection (fear of NATO expansion) and protection from shame and humiliation, similar to the reaction of the people and leaders of Germany to the Treaty of Versailles. (Without engaging in a serious discussion for the time being, I will share only one counterargument given by one of my Ukrainian colleagues present here: "Why is it that in all these argumentations it is proposed to "understand" Russia's fears and pain, but not Ukraine's ones, the Baltic countries' or Poland's?")
2. Another point of view, perhaps partly fueling the previous one, is related to the idea of "geopolitics". "There is a new redistribution of the world, competition between such global centers as the USA, China and the EU, and Ukraine is just a pawn in someone else's game." It is interesting that sympathy for Ukraine here is surprisingly combined with support for the same "geopolitical game". For example, the prominent German philosopher Jurgen Habermas recently openly suggested to Western countries to negotiate with Russia without taking into account the position of Ukraine. As for my fellow psychoanalysts, I am surprised to see more and more events dedicated to the war in Ukraine, where there is not a single Ukrainian. On offers to discuss some topics directly with us, I can hear something like: "We can only offer you an expression of sympathy and solidarity."
3. One more position is connected with a certain set of "sentiments" in relation to Russia. For some, it seems to be a great and invincible force, for others it is an even more "great" culture that does not deserve "cancellation" (unlike, for example, many things in Western culture), someone believes in the presence of freedom-loving democratic tendencies in secret depths of the Russian soul. All this somehow leads to what Melanie Klein called the "Munich complex" - an exaggeration of the invincibility of the enemy and various forms of "surrender" to his mercy. Many of us in Ukraine received messages from Russia at the beginning of the war that went something like this: "By resisting, you only increase the number of victims." It is rather strange, but after a year of war, after the publication of data on the crimes of the Russian army and the plans

of the Russian leaders, I still hear something similar from my Western colleagues. "Well, why don't you give up? Russia is a great country, you share a great history, and in the end, you cannot win."

4. Another thesis related to the previous and subsequent ones is the proposal to separate Russia (or Russians) from Putin. "Of course, Putin and his regime are terrible, but is it possible to place collective responsibility on the homeland of Tchaikovsky and Dostoevsky, on ordinary people deceived by propaganda, and on intelligent, simply intimidated people?" I think Professor Lotman just discussed this thesis in detail. Surprisingly, in professional circles, for some reason, Russian psychoanalysts are considered innocent ahead of time - in a letter to the IPA, they were even named one of the targets of the Putin regime. Oddly enough, I do not know a single psychoanalyst in Russia who was subjected to political persecution (although I know such in Belarus). But I know those who denounced colleagues, intimidated patients, who openly supported the war. It seems that our community has forgotten the experience of cooperation between psychoanalysts and criminal regimes in Germany, Latin America and other countries, and has forgotten how to give an adequate assessment of this.
5. Close, although different from the previous one, is another thesis: "Why don't "good" Russians and "good" Ukrainians reconcile right now? Starting, for example, with psychoanalysts". Once again, I heard a proposal to invite Russian colleagues to this meeting. Once again, I received a "generous" offer to participate for free in the seminar of a foreign colleague with Russians - of course, if I or other Ukrainians turn to him with a personal request and his Russian friends approve of this. It is difficult to accuse me of any "Russophobia" - I am a person with Russian cultural roots, I have close friends and colleagues in Russia (and from Russia), whom I fully and unconditionally trust. But those who appeal to us to "live together", in my opinion, are losing elementary empathy. It is not so difficult to understand our feelings when right now our cities are being bombed by people who only yesterday were considered as friends or good neighbors. (For example, Kharkiv residents receive the most accurate reports of rocket attacks from the chats of residents of the nearest Russian city Belgorod - usually with comments like "Hurrah, "hohly" will have fireworks again! Hooray, the Kharkiv metro is again sold out!" This city is about 40 km away, and most of the residents there have acquaintances, friends and relatives in Kharkov.) I think it is not very difficult to understand our wariness and selectivity in dealing with Russian colleagues in current circumstances. And the general calls for reconciliation at the moment, somewhere in Ukraine numerous Bucha is taking place, look from a professional point of view as calls for the development of a false self and ignoring both external and internal reality.

I allowed myself a rather emotional response to the last thesis, perhaps because I hear it too often and it hurt me. In addition, I have a rather complicated attitude towards the "displacement of aggression" towards everything Russian, which I observe in my country. However, I can emotionally understand it. As for calls to "join hands" or simultaneous expressions of sympathy for "Ukrainian and Russian colleagues" from psychoanalytic organizations, it is more difficult for me to understand. (As the great and sometimes terrible poet Brodsky, already mentioned here, wrote: "A German and a Russian will lie side by side, mainly near Stalingrad.") I once chose psychoanalysis, running away from the falsity of Soviet ideology and science. It's not good to see this again.

Of course, I have my own thoughts on each of the theses presented here, and, I hope, less emotional ones. But I'd like to discuss it more with all of you...

In conclusion, I will say a little about the words I put in the title of this meeting: guilt, responsibility, shame and pride. I have no doubts who is guilty for the current war - both in legal, and moral and psychological senses. The issue of political responsibility is broader. In my personal impression, Western intellectuals, including psychoanalysts, as well as politicians, have underestimated the threat posed by Russia. Fascinated by other themes, accustomed to the peace, they overlooked the rise of the "old familiar evil", with that Freud was familiar much better...

As for my feelings as a citizen of my country, in this context they range from pride to shame. Our army stopped the so-called "second army of the world", which for decades intimidated many countries with its imaginary power. Our society has demonstrated unpredictable cohesion, and our politicians, in many ways unexpectedly, turned out to be braver and more professional than we expected. At the same time, we found ourselves completely dependent on Western military and economic assistance, in the role of supplicant, whom any Western layman and even a major philosopher can accuse of "moral blackmail". In some of our actions and habits of thought, we are not very different from our enemies, so that sometimes we lose sight of the main goal of our struggle - freedom. I think there are also many issues that are worth talking about.

Война России глазами западных интеллектуалов: примеры (не)понимания

Романов И. Ю.

В своем кратком выступлении мне бы хотелось привести некоторые тезисы (в основном, без указания авторства), которые мне неоднократно приходилось встречать в газетных и журнальных публикациях, а также – в психоаналитических статьях, частных разговорах и переписке с коллегами. Большая часть этих утверждений кажутся мне далекими от реальности, частично вызванными политической и/или идеологической предвзятостью в отношении России, Украины или ее союзников, а местами даже уничижительными. Я уверен, что в этой аудитории есть люди, разделяющие некоторые из этих убеждений вполне искренне и последовательно, и мне бы хотелось открытого разговора, в котором, например, я мог бы убедиться в своей неправоте. Но на текущий момент я придерживаюсь той точки зрения, что данный набор убеждений является довольно распространённым и опасным, поскольку оказывает влияние на общественное мнение стран Запада, что в свою очередь влияет на политику западных правительств в отношении Украины.

1. Некоторые коллеги, публично и непублично, говорят приблизительно следующее: «Да, Россия совершает преступление, но ее нужно понять. Рост российской тирании внутри страны и экспансионизма вовне обусловлен «триумфализмом» Запада в результате победы в холодной войне и «ужасными

страданиями», выпавшими на долю российского народа после крушения СССР». Это тезис может обрастать различными подпунктами и выводами. Так, один из весьма уважаемых мною учителей написал мне, что роспуск НАТО после распада СССР был бы наилучшим решением. Другой уважаемый собеседник предположил, что сохранение СССР под руководством Горбачева уберегло бы нас от нынешних бед. Некоторые сторонники данной точки зрения полагают, что преступления Запада/Америки/неолиберализма/глобализма/капитализма намного страшнее, чем происходящее сегодня в Украине. И большинство из них сходятся в идее, что поведение Путина и 80% поддерживающих его россиян можно понять в терминах проекции (страх перед расширением НАТО) и защиты от стыда и унижения, по типу реакции народа и лидеров Германии на Версальский мир. (Не включаясь пока в серьезную дискуссию, поделюсь лишь одним контраргументом, который привел один из моих присутствующих здесь украинских коллег: «Почему во всех этих рассуждениях предлагается «понимать» тревоги и боли России, но не Украины, стран Балтии или Польши?»)

2. Другая точка зрения, возможно, отчасти подпитывающая предыдущую, связана с идеей «геополитики». «Идет новый передел мира, конкуренция между такими глобальными центрами, как США, Китай и ЕС, и Украина – лишь пешка в чужой игре». Интересно, что сочувствие к Украине здесь удивительным образом сочетается с поддержкой той самой «геополитической игры». Так, крупнейший немецкий философ Ю. Хабермас недавно открыто предложил западным странам договариваться с Россией, не учитывая позицию Украины. Что же касается коллег-психоаналитиков, то я с удивлением встречаю все больше и больше мероприятий, посвященных войне в Украине, где нет ни одного украинца. На прямые предложения обсуждать некоторые темы прямо с нами, я могу услышать что-то вроде: «Вам мы можем предложить лишь выражение сочувствия и солидарности».
3. Еще одна позиция связана с неким набором «сантиментов» в отношении России. Кому-то она кажется великой и непобедимой силой, кому-то – еще более «великой» культурой, которая не заслуживает «отмены» (в отличие, например, от многого в культуре западной), кто-то верит в наличие свободолюбивых демократических тенденций в тайных глубинах русской души. Все это так или иначе ведет к тому, что Кляйн называла «Мюнхенским комплексом» - преувеличением непобедимости врага и разными формами «сдачи» на его милость. Многие из нас в Украине получали в начале войны сообщения из России приблизительно такого содержания: «Сопrotивляясь, вы лишь увеличиваете количество жертв». Довольно странно, но после года войны, после обнародования данных о преступлениях российской армии и планах российского руководства, я все еще слышу что-то подобное от своих западных коллег. «Ну почему бы вам не сдать? Россия – великая страна, у вас общая великая история, в конце концов, вам не победить».
4. Еще один тезис, связанный с предыдущим и последующим, это предложение разделять Россию (или россиян) и Путина. «Конечно, Путин и его режим ужасны, но разве можно возлагать коллективную ответственность на родину Чайковского и Достоевского, на простых людей, обманутых пропагандой, и на сложных, просто запуганных людей?» Я думаю, профессор Лотман как раз этот тезис подробно обсудил. В профессиональных кругах, что удивительно, почему-то

загодя считают невинными российских психоаналитиков – в письме МПА они даже были названы одной из мишеней путинского режима. Как ни странно, я не знаю ни одного психоаналитика в России, подвергшегося политическому преследованию (хотя знаю таких в Беларуси). Но я знаю тех, кто доносил на коллег, запугивал пациентов, кто открыто поддерживает войну. Кажется, наше сообщество забыло опыт сотрудничества психоаналитиков с преступными режимами в Германии, Латинской Америке и других странах, и разучилось давать этому адекватную оценку.

5. Близок, хотя и отличается от предыдущего, еще один тезис: «А почему бы «хорошим» русским и «хорошим» украинцам не помириться прямо сейчас? Начав, например, с психоаналитиков». В очередной раз я слышал предложение пригласить на эту встречу российских коллег. В очередной раз я получил «щедрое» предложение бесплатно участвовать в семинаре зарубежного коллеги с россиянами – конечно, если я или другие украинцы обратятся к нему с личной просьбой и его российские друзья это одобряют. Меня трудно обвинить в какой-либо русофобии – я человек с русскими культурными корнями, у меня есть в России (и из России) близкие друзья и коллеги, которым я полностью и безоговорочно доверяю. Но те, кто обращается к нам с призывом «жить дружно», на мой взгляд, теряют элементарную эмпатию. Не так уж трудно понять наши чувства, когда прямо сейчас наши города бомбят люди, еще вчера считавшиеся друзьями или добрыми соседями. (Для примера, самые точные сообщения о ракетных атаках харьковчане получают из чатов жителей ближайшего российского города Белгорода – обычно, с комментариями типа «Ура, у хохлов снова будет фейерверк! Ура, в метро Харькова опять аншлаг!» До этого города около 40 км, и большинство тамошних жителей имеют в Харькове знакомых, друзей и родственников.) Думаю, не очень сложно понять нашу настороженность и избирательность в общении с российскими коллегами в данных обстоятельствах. Ну а общие призывы к примирению в тот момент, когда где-то в Украине происходит очередная «Буча», выглядят с профессиональной точки зрения призывом к развитию фальшивой самости и игнорированию как внешней, так и внутренне реальности.

Я позволил себе довольно эмоциональный отклик на последний тезис, возможно, потому, что уж слишком часто его слышу. Кроме того, у меня довольно сложное отношение к «смещению агрессии» на все русское, которое я наблюдаю в своей стране. Однако его я могу эмоционально понять. Что же касается призывов «взяться за руки» или одновременного выражения сочувствия «украинским и российским коллегам» от психоаналитических организаций, их мне понять труднее. (Как писал уже упомянутый здесь великий и местами ужасный поэт Бродский: «немец с русским лягут рядом, в основном, под Сталинградом».) Когда-то я выбрал психоанализ, убегая от фальши советской идеологии и науки. Неприятно встречаться с этим вновь.

Конечно, у меня есть свои размышлений по каждому из представленных здесь тезисов, и, надеюсь, менее эмоциональные. Но я бы больше хотел об этом поговорить со всеми вами...

В заключение, скажу немного о вынесенных мною в заглавие нынешней встречи словах: вина, ответственность, стыд и гордость. У меня нет сомнений, кто виноват в происходящей войне – как в юридическом, так и в моральном и психологическом смысле. Вопрос о политической ответственности более широкий. По моему личному впечатлению, западные интеллектуалы, включая психоаналитиков, как и политики, недооценили исходящую от России угрозу. Увлеченные другими темами, привыкшие к миру, они просмотрели рост «старого знакомого зла». Когда-то Фрейд предупреждал нас об этом, и не только в смысле общей «деструктивности» человеческой природы или «немых» проявлений влечения смерти. Он также писал о том, что «so long as there exist countries and nations that are prepared for the ruthless destruction of others, those others must be armed for war» (Why war, 1932) [*пока существуют страны и народы, готовые к безжалостному уничтожению других, эти другие должны быть вооружены для войны*]. Он также пророчески предвидел перспективы большевистского эксперимента, когда писал: «озабоченно спрашиваешь себя, что предпримут Советы, после того как будут истреблены все буржуа» (Недовольство, 1930). Конечно, он не мог заглянуть за горизонт исчезновения самого советского строя и предположить столь сильную ностальгию по нему внутри и вовне бывшего СССР. Но он знал об опасностях для человеческой свободы и преимуществах для государственной машины, которые приносит война: "Воюющее государство позволяет себе совершать любую несправедливость, любое насилие, которое обесчестило бы отдельного человека. ...Государство требует от своих граждан крайнего послушания и самопожертвования, но при этом объявляет их недееспособными посредством чрезмерного утаивания и цензуры сообщений и выражения мнений... Оно освобождается от ручательств и договоров, которым оно связало себя в отношении других государств, безбоязненно сознается в своем корыстолюбии и стремлении к власти, которые отдельный человек должен затем одобрить из чувств патриотизма" (В духе времени, 1915).

Что же касается моих чувств, как гражданина своей страны, то в данном контексте они колеблются от гордости до стыда. Наша армия остановила так называемую «вторую армию мира», которая десятилетиями запугивала других своей мнимой мощью. Наше общество продемонстрировало небывалую сплоченность, а наши политики, во многом неожиданно, оказались смелее и профессиональнее, чем мы от них ожидали. В то же время мы оказались полностью зависимы от западной военной и экономической помощи, в роли просителей, которых любой западный обыватель и даже крупный философ могут обвинить в «моральном шантаже». В каких-то своих действиях и привычках мышления мы не очень-то отличаемся от наших врагов, так что иногда теряем из виду главную цель нашей борьбы – свободу. Думаю, тут также есть много вопросов, о которых стоит поговорить.

War in Ukraine: Some references to Russian war crimes and Western intellectuals responses:

Archives:

<https://ukrainewararchive.org/eng/?fbclid=IwAR03g9C6RWYhJEWIL6s18q8DwobXBAy2uI2K Pb47wK9OFWNQui8dBVRXNKc> LEARN THE STORY OF THE RUSSIAN INVASION OF UKRAINE WITH OUR UNIFIED MEDIA ARCHIVE GATHERED FROM ALL AROUND UKRAINE

<https://www.nytimes.com/2022/12/22/video/russia-ukraine-bucha-massacre-takeaways.html> Bucha videos New York Times

<https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2023/02/russia-ukraine-war-potemkin-occupation-murder-torture/672841/?fbclid=IwAR0Tgl-ql1Xi5 LuhAJa7R2jC EuBwbTnidqPMVodVEyS6MqG8l6X9aDtQ4> **‘THEY DIDN’T UNDERSTAND ANYTHING, BUT JUST SPOILED PEOPLE’S LIVES.** How Russian invaders unleashed violence on small-town residents.

https://time.com/6255183/ukraine-basement-yahidne-held-captive/?utm_medium=email&utm_source=sfmc&utm_campaign=newsletter%20brief%20default%20ac&utm_content=%20%20%2020230215%20%20%20body&et rid=206195238<g=206195238&fbclid=IwAR1 MB2Lb4t8rdfwfLIFTlxZx4Sb76YEHbLtLI0k1EZUKeqTrNRgM2Xyr-w **Inside the Basement Where an Entire Ukrainian Village Spent a Harrowing Month in Captivity**

<https://medium.com/@kravchenko mm/what-should-russia-do-with-ukraine-translation-of-a-propaganda-article-by-a-russian-journalist-a3e92e3cb64> Sergeytsev, T. (2022) What should Russia do with Ukraine?

<https://www.qeios.com/read/RBQ36X> Russian Military Renaissance: An Unnecessary War by Iskren Ivanov

<https://blog.sashko.me/p/vijna-ta-oburennnya/> Habermas on war and offence [in Ukrainian; whole blog on different Western intellectuals’ opinions] Original publication

<https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/das-dilemma-des-westens-juergen-habermas-zum-krieg-in-der-ukraine-e068321/>

<https://www.youtube.com/watch?v=bJczLlwp-d8> Timothy Snyder on Ukrainian history and openly genocidal war

<https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2023/jan/30/putin-vs-the-west-review-like-a-gripping-terrifying-soap-opera?fbclid=IwAR3WUZ5m-r8rbo353SeeCGo0rhP9PbZPEzbfBY-BZaG4MjsmkLsxE-R00> Putin vs the West review – like a gripping, terrifying soap opera

<https://www.nytimes.com/2022/07/26/opinion/russia-ukraine-putin.html> Pomerantzev, P. (2022) Ukraine Is the Next Act in Putin’s Empire of Humiliation. In New York Times, July 26, 2022.

Psychoanalytical debates

Benvenuto, S. (2022a) "Psychoanalysis in the War. A Debate with Russian colleagues", European Journal of Psychoanalysis, <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/psychoanalysis-in-the-war-a-debate-with-russian-colleagues/>

Benvenuto, S. (2022b) My Meeting with a Group of Russian Analysts: Response to Some Criticism. European Journal of Psychoanalysis, <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/my-meeting-with-a-group-of-russian-analysts-response-to-some-criticism/>

Преступления России и рефлексии западных интеллектуалов

https://time.com/6255183/ukraine-basement-yahidne-held-captive/?utm_medium=email&utm_source=sfmc&utm_campaign=newsletter%20brief%20default%20ac&utm_content=%20%20%2020230215%20%20%20body&et rid=206195238<g=206195238&fbclid=IwAR1_MB2Lb4t8rdfwfLIFTlxZx4Sb76YEHbLtLI0k1EZUKeqTrNRgM2Xyr-w **Inside the Basement Where an Entire Ukrainian Village Spent a Harrowing Month in Captivity**

https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2023/02/russia-ukraine-war-potemkin-occupation-murder-torture/672841/?fbclid=IwAR0Tgl-ql1Xi5_LuhAJa7R2jC_EuBwbTnidqPMVodVEyS6MqG8l6X9aDtQ4

‘THEY DIDN’T UNDERSTAND ANYTHING, BUT JUST SPOILED PEOPLE’S LIVES. How Russian invaders unleashed violence on small-town residents.

<https://www.qeios.com/read/RBQ36X> Russian Military Renaissance: An Unnecessary War

<https://blog.sashko.me/p/vijna-ta-oburennja/> ВІЙНА ТА ОБУРЕННЯ. Юрген Хабермас

https://hmarochos.kiev.ua/2022/07/04/nimczy-vzhe-berut-uchast-u-vijni-i-na-hybnomu-boczi-snajder-sperechayetsya-z-gabermasom-pro-paczyfizm/?fbclid=IwAR0vp4uDpPcQIXyBBgww4-S9G5pljuKv7VnjPn6HZSoR89MBvlxCqd_IFnA

«Німці вже беруть участь у війні, і на хибному боці»: історик Снайдер сперечається з філософом Габермасом про пацифізм

<https://blog.sashko.me>

<https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2023/jan/30/putin-vs-the-west-review-like-a-gripping-terrifying-soap-opera?fbclid=IwAR3WUZ5m-r8rbo353SeeCGo0rhP9PbZPEzbfBY-BZaG4MjsmkLsxE-R00> Putin vs the West review – like a gripping, terrifying soap opera